

ЕХУД СИТОН

Любовь Бабочки

Оазис

NY
1960's

16+

Ехуд Ситон

Любовь бабочки. Оазис

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ситон Е.

Любовь бабочки. Оазис / Е. Ситон — «ЛитРес: Самиздат», 2019

"Любовь бабочки" - роман о любви и жизни двух молодых людей. Он — наследник богатой могущественной династии американских миллионеров еврейского происхождения, она — несчастная сирота из Пуэрто-Рико. Кажется, их судьбы несочетаемы — целый мир выступил против их союза. Однако для подлинной любви нет преград. "Оазис" — захватывающая новелла о девушке из династии знаменитых на всю Америку миллионеров – Вайолет. Она прекрасна и своенравна, образована и сильна. Ее избранником стал юноша из далекого Кувейта. Их любовь, жаркая, словно зной Востока, и прекрасная, словно сказка "Тысячи и одной ночи", расцвела, подобно цветку на спасительной почве оазиса посреди пустыни.

© Ситон Е., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Любовь бабочки	5
Предисловие	5
Тропа воспоминаний	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Любовь бабочки

Предисловие

Автор этого романа – Ехуд Ситон.

Это необыкновенный, жизнерадостный и харизматичный человек с открытой душой. С юношеских лет он живет в Лондоне.

На написание его книг «Любовь бабочки» и «Оазис» ушло 25 лет. Все это время спутницей его творчества неизменно была музыка. Написанная им музыка сформировала уникальный стиль и концепцию его романов. Водопад эмоций, страсти и любви – вот основа его творчества.

Опубликованные в 2011 году в Лос-Анджелесе, его романы тотчас получили признание и снискали любовь у читателей по всему Миру. Достоверная реальность, описанная в его книгах, перемежается с волшебством чувственных отношений двух любящих сердец. Непостижимый коктейль страсти, переживаний и трагики берет читателя в плен, оставляя незабываемое послевкусие.

Сам автор грезит мечтой однажды услышать свою песню «MEMORY LANE» – «Тропа воспоминаний» в исполнении великой певицы Барбры Стрейзанд в сопровождении оркестра, а также снять художественные фильмы по своим книгам «Любовь бабочки» и «Оазис», по существующему и утвержденному в Лос-Анджелесе сценарию, авторства Ехуда Ситона.

В главных ролях он мечтает видеть блистательных актеров Барбру Стрейзанд и Майкла Дугласа. Ехуд Ситон уверен, так и будет, в один прекрасный день, картина удостоится заслуженной награды – премии «Оскар»!

Тропа воспоминаний

Под лучами, палящими солнца,
расцветают цветы
Порхают бабочки, и я иду тропой
воспоминаний
Тени прошлого сгущаются вокруг меня
Не отставая ни на шаг, и о тебе
напоминают
Я не хочу жить прошлым
Ведь тебя здесь больше нет
И где мне силы взять,
Чтоб путь свой дальше продолжать?
Ты говорил, что небо бесконечно
Но крылья мои словно из свинца
И как идти мне дальше по дороге
Которая уходит в никуда?
Ты для меня был теми солнечными днями
Я распускалась как цветок в твоих руках
Как орхидея, окруженная камнями
Порхают бабочки, и я иду тропой воспоминаний
Я не хочу жить прошлым
Теперь, когда тебя здесь больше нет
Ты говорил, что небо бесконечно,
Но крылья мои словно из свинца
И как идти мне дальше по дороге
Которая уходит в никуда?
Ты для меня был теми солнечными днями
Я распускалась как цветок в твоих руках
Как орхидея, окруженная камнями
Порхают бабочки, и я иду тропой воспоминаний
Я не хочу жить прошлым
Теперь... тебя ведь больше нет
И где мне силы взять,
чтоб путь свой продолжать?
Ты говорил, что небо бесконечно
Но крылья мои словно из свинца
И как идти мне дальше по дороге
Которая уходит в никуда?
Ты для меня был теми солнечными днями
Я распускалась как цветок в твоих руках
Как орхидея, окруженная камнями
Тени прошлого сгущаются вокруг меня
Не отставая ни на шаг, и о тебе напоминают
Я не хочу жить прошлым...

Слова и музыка ЕХУДА СИТОНА
© Ehud Siton 1996 London

Глава 1

Первая встреча

Прекрасное утро, середина июня. Манхэттен купался в парящей неге яркого солнца. Изнурительную долгую зиму, наконец, сменило долгожданное лето. Очевидным свидетельством того, что лето задержится в этих краях, являлся вернувшийся к жизни двор Нью-Йоркского Университета. С самого утра, как заведено, неугомонные студенты заполнили всю площадку, одни расселись на газоне, другие расположились неподалеку, швыряя мяч, или снуя по двору на роликах. Эта разношерстная толпа и превратила пяточок в настоящую Мекку для студентов и хиппи. Чернокожие, двигающиеся под излюбленные ритмы фанки, стали неотъемлемой частью экстерьера университета, как и торгошники травкой.

На тротуаре, подле ворот университета, сквозь щебень пророс цветок. Красивая бабочка прильнула к его лепесткам. Студент, разогнавшись на своем велосипеде, резко поднялся в седле, и зашаркал ногами, чтобы сбавить скорость, чуть не потерял ранец. Он спугнул бабочку, та улетела.

В магазинчике неподалеку, за кассой сидела Виктория, вглядываясь в окружение за витриной. Ее кожа с наслаждением впитывала солнечные лучи, девушка радовалась приходу долгожданного лета. Ненасстья зимы словно истощили душу этого ребенка света – а как иначе, Виктория выросла в солнечном Пуэрто-Рико. Из магазина можно было видеть двор Нью-Йоркского Университета, толпы студентов, что входили и выходили из ворот, их яркую одежду, повседневную и классическую. Воедино сливались джинсы, яркие футболки, кроссовки, аккуратные юбочки с гольфами – униформа девушек, несущих строгие дипломатики.

Виктория не могла назвать себя роковой латиноамериканской красавицей, не ощущала влияния, которое ее внешность оказывала на мужскую братию, мысли ее были, в основном, заняты повседневной рутинной. Родители ее безмерно любили друг друга, и она даже не сомневалась, что рано или поздно подобная любовь придет и в ее жизнь. Однако, теперь, могла думать лишь о трагедии, что ворвалась в ее жизнь два года назад, когда автокатастрофа отняла у нее родителей. С тех пор, она жила в некоей неопределенности, пытаясь привыкнуть к жизни в новой стране. Когда она переехала из Пуэрто-Рико в Нью-Йорк, ее тетя Мария приютила ее и окружила заботой. К счастью, у ее тети были близкие друзья, добросердечные люди, что позаботились о Виктории и помогли тете Марии.

Виктория чувствовала тепло, что ласковый солнечный свет оставлял на ее коже, и поражалась, с какой легкостью чувство умиротворения распространяется по телу, в такие минуты, когда все вокруг, будто, останавливалось и замирало в вечности. Она предавалась спокойным мечтам, ее глаза закрылись, а мысли унесли далеко, к далеким солнечным берегам со страниц романов. Как писали философы минувших дней:

«Ты стоишь у окна, в ожидании любви, а она уже стучится в двери...»

В магазине было относительно тихо. В утренние часы он был заполнен домохозяйками, детьми и студентами, что спешили на утренние занятия, затем во второй половине дня, случался второй наплыв покупателей, когда заканчивались занятия, и люди после работы, забегали в магазин приобрести все необходимое, по дороге домой.

Глубокий, томный голос, неожиданно прервал ее размышления.

– Пачку Мальборо, пожалуйста.

Даже не взглянув на покупателя, она сделала оборот на стуле, выхватив пачку сигарет из шкафчика позади кассы и положила ее на прилавок.

– С вас шестьдесят два цента, сэр.

Ее глаза были все еще опущены, и взгляд остановился на руке, протянувшей стодолларовую банкноту – большой, сильной и мужественной руке, на контрасте с которой, купюра

казалась будто игрушечной. Рука заинтересовала ее до такой степени, что девушка перевела взгляд выше, пока их глаза не встретились.

– Простите, к сожалению, у меня не найдется сдачи, это минимаркет, а не банк, сэр. Попробуйте разменять поблизости.

Теперь Виктория изучала его лицо. Это был крепкий молодой человек, лет двадцати, скорее всего – студент Нью-Йоркского Университета – так или иначе, на его футболке был логотип – с каштановыми волосами и пронзительным взглядом. Крепкий американец, принц из мечты, с которым любая девушка будет рада пройти рука об руку через всю жизнь. Тень разочарования скользнула по его лицу и мгновенно улетучилась, сменившись смиренной улыбкой. Взглянув на часы, он резко развернулся и направился к двери. Виктория проводила его взглядом, заметив, как его крепкая мускулистая рука потянула на себя входную дверь. Она наблюдала как он пересек дорогу, игнорируя красный сигнал светофора. Ее обуюло странное и глубокое чувство любопытства, когда юноша развернулся на полдороги, порылся в кармане и, по-видимому, отыскав там мелочь, направился обратно. Она продолжала наблюдать, ощущая внутри странный трепет, когда он зашел в магазин второй раз. Она была смущена, даже не представляла, как себя вести. Он вновь направился к кассе, теплая улыбка озаряла его лицо. Будто во сне... Она слегка вздрогнула, когда он произнес:

– Понимаете, я спешу. У меня только пятьдесят девять центов. Если вы согласны подождать до шести, когда закончатся занятия, я занесу вам остальное.

– Простите, но это не банк, и не кредитная организация.

Майкл снял часы и положил на прилавок, пристально взглянув ей в глаза.

– Вот, полагаю, они стоят чуть больше пары центов.

Вики, во что бы то ни стало, постаралась сохранить невозмутимый вид, глядя Майклу в глаза.

– Вижу, вам очень хочется покурить...

– И не говорите, трудный выдался день.

Вики отодвинула часы, всем видом давая понять, что так дело не пойдет. Майкл осунулся и опустил взгляд.

– Я работаю до семи. Надеюсь, предоставление кредитов покупателям разумное нововведение, с моей стороны, – с серьезным видом произнесла она, протянув Майклу пачку Мальборо. Великолепная улыбка Вики очаровала его. Забрав пачку из ее рук, на выходе он обернулся и сказал:

– Не волнуйтесь. Я не позволю, чтобы наше знакомство завершилось не начавшись, из-за каких-то трех центов.

Дверь закрылась, и до конца дня она мысленно возвращалась к этому моменту, стараясь не упустить малейшей детали этой встречи, попутно борясь с навязчивым желанием смотреть в сторону университетского двора.

Сразу после шести, она заметила группу студентов, идущую по противоположной стороне улицы, и немедленно выделила его среди прочих. Сложно было не обратить внимания на его высокую крепкую фигуру. Он резко остановился и повернулся к магазину. От наплыва посетителей магазинчик жужжал как улей. Вики была, ясное дело, занята. С невероятным усилием ей удалось ни разу не посмотреть в его сторону, с момента, как Майкл вошел в магазин. Он направился к кассе, чтобы вручить Вики три цента, что он задолжал, а леди, которая только разложила покупки по бумажным пакетам, развернулась, чтобы уйти. Вышло так, что они столкнулись с Майклом. Столкновение выбило пакеты из ее рук, заставив содержимое рассыпаться по полу. Майкл покраснел, растерянно извинился и принялся собирать с пола покупки, возвращая их в пакеты. Однако, леди, по-видимому была слишком огорчена произошедшим, бормоча себе под нос:

– Молодежь нынче... Никого не уважают, налетают на людей, под ноги не смотрят. Бесцеремонность. Гляньте на него, под кайфом, по нему видно.

Майкл подобрал с пола оставшиеся покупки и уже собирался выпрямиться в полный рост, но, как водится, по закону подлости, задел своим рюкзаком стеллаж позади. Это явно был не его день! По-видимому, вследствие этой причины, стеллаж с грохотом повалился вперед, отправив аккуратно сложенные пачки с печеньем в эпический полет, прямо к ногам ошарашенных покупателей неподалеку. Майкл с недоумением наблюдал за катастрофой, в глазах его читалось чувство неприятия произошедшего.

Виктория наблюдала, будто это была замедленная сцена кинофильма. Парень из ее грез, о котором она размышляла весь день, превратил магазин в поле боя за считанные мгновенья. Ей с трудом удалось сдержать смех. В тот же момент из глубины зала послышался басистый голос с итальянским акцентом:

– Мамма Миа! Что здесь стряслось?

В дверях возник невысокий человек, с брюшком, объемам которого позавидовал бы любой борец сумо. Нахмутив брови, он немедленно направился к месту катастрофы, набирая скорость, попутно рассчитывая размер нанесенного ущерба. Виктория поспешила покинуть свой пост у кассы, огибая прилавок, но человек поднял руку и остановил девушку,

– Виктория, оставайся за кассой, и позаботься о покупателях.

Он повернулся к Майклу, который тщетно пытался вернуть стеллаж на место.

– А вы, молодой человек, натворили немало бед, помогите-ка мне вернуть все на свои места.

Вместе они принялись за дело, когда из-за стеллажа выглянула еще одна сотрудница, прибывшая, как видно, из подсобки. Майкл задержал взгляд на ее лице. Она была красавицей, однако привлекало в ней другое – ее помада, наложенная хоть и аккуратно, но, по меньшей мере, на четверть дюйма выходила за контур ее губ. Майклу она напомнила клоуна из цирка. Девушка наклонилась и спросила нежным, приятным голосом:

– Вам помочь, Папа Лоренсо?

Майкл с трудом удержался, чтобы не рассмеяться над звучным итальянским акцентом Папы Лоренсо.

– Нет, Шарлин, лучше распакуй оставшиеся коробки.

Девушка направилась к подсобке, демонстрируя вычурную походку, виляя бедрами, словно героиня киношного Рок-н-ролл мюзикла 50-х годов. Майкл невольно улыбнулся. Трудно было понять, реальна ли эта девушка, или сошла с рекламной афиши шоу Saturday Night Live...

Минуло, по меньшей мере, полчаса, прежде чем мужчины привели стеллаж в порядок. Папа Лоренсо со значением тщательно осмотрел результаты своего труда, затем неслышно исчез в подсобке. Майкл вернул Виктории злосчастные три цента и не заметил, как застрял у прилавка, болтая о погоде, прекрасном летнем дне, и о том как прекрасно жить в Нью-Йорке. На самом деле, Майкл лишь поджидал подходящего момента и набирался храбрости, чтобы пригласить Вики на свидание. Магазин наконец опустел и у него появился шанс предложить:

– Может, сходим поесть мороженого? Это меньшее, что я могу сделать, пытаюсь загладить свою вину.

Виктория ответила, улыбаясь: – Через пару минут я закончу, если ты не прочь подождать.

Майкл застенчиво переминался с ноги на ногу, когда вновь показался Папа Лоренсо, с коробкой шоколадного печенья в руках.

– Виктория! – прогремел он, – Тебе пора. Почему бы тебе не взять немного печенья и не угостить тетушку Марию?

Затем, он протянул пачку печенья Майклу.

«— Это вам, юноша», — произнес он, с театральной строгостью, — Хотя, что и говорить, вы ее не заслужили, негодник!

Он похлопал Майкла по плечу, затем вручил две пачки печенья Виктории, она сказала: Это Майкл, Папа, — а Майкл незамедлительно добавил:

— Шульц, Майкл Шульц.

Он протянул руку Папе Лоренсо, тот пожал ее, стараясь удержать коробку с печеньем, прижатую к коленям, не забывая про необходимость улыбнуться.

— Ясно, ясно... Иди переоденься, — обратился он к Виктории.

Неловко улыбнувшись, Майкл извинился за беспорядок и беспокойство, виной которым была его неуклюжесть, и добавил:

— Понимаете, мы с Вики хотим сходить поесть мороженого.

— Хмм, — затаял Папа Лоренсо, деловито расставляя пачки с печеньем по полкам,

— Уже зовете ее Вики... Надеюсь из-за вас она не попадет в беду, молодой человек.

Виктория, тем временем, успела переодеться и причесаться. Ей было не по себе. Это было ее первое свидание. Трудно сказать, почему она до сих пор не была на свидании — пожалуй, ей это было безразлично. Но, этим утром она встретила Майкла и стала сама не своя. Она встречала уйму парней, таких как он, студентов, что заходили за покупками, парней, что флиртовали с ней в Парке Вашингтона, однако никто из них не тронул ее сердца.

Когда она вернулась ко входу в магазин, Майкл выдохнул, в изумлении:

— Одному парню сегодня повезло!

Виктория почувствовала, что краснеет. Она вернулась в магазин и чмокнула Папу Лоренсо в лоб. Он все еще копошился у полок, расставляя пачки с печеньем по местам. Поднявшись, он вручил Майклу плитку шоколада:

— Надеюсь, вы позаботитесь о моей Вики. Она мне как дочь.

Затем, он велел Виктории позвонить тете Марии и предупредить, что вернется поздно, чтобы та не волновалась. Таким уж был Папа Лоренсо. Вел себя с Вики как с дочерью. Он и вправду заменил ей родных, как и тетюшка Мария. Она понимала, он не намеревался контролировать ее, просто заботился и волновался за нее, в этом городе опасность подстерегала на каждом углу.

Майкл и Вики вышли, а Папа прокричал им вслед «счастливо», — будто они собирались в дальнюю поездку за море.

Солнце еще не зашло, и в парке было полно народу. Майкл и Вики шли по направлению к кафе «У Смитти», недалеко от парка. Майкл сорвал цветок из клумбы у тротуара и протянул Вики со словами:

— Это тебе, моя маленькая бабочка.

Восхищение читалось в глазах Вики. Майкл не удержался и спросил о Шарлин, и ее причудливой манере накладывать помаду. Это произвело на него большее впечатление, нежели, выходки любого чудака, которыми кишит парк в этот вечерний час. Вики лишь улыбнулась.

На самом деле Шарлин не была пустышкой. Она была единственной в своем роде, этим все сказано. Однажды, приятельница сказала ей, что губы — отличительная черта Шарлин, и, нанося макияж, стоит их выделять. Шарлин прислушалась к совету, но реализовала его по-своему.

Вдоль тротуара тянулась линия припаркованных авто, было много кабриолетов. Поодаль, напротив витрины кафе, оседлав свои байки и скутеры сидели студенты, потягивая содовую или освежаясь мороженым. В кафе сегодня подавали Сандей спешл — огромный бокал, увенчанный шапкой взбитых сливок, вишенкой в карамели и американскими флажками для украшения. Здесь царил особая атмосфера пятидесятых, что сделало место особо популярным среди студентов Нью-Йоркского Университета.

В углу кафе стоял настоящий ретро автомат «Вурлитцер», с Рок-н-рольными пластинками. Столы были расставлены здесь и там, а высокие барные стулья обрамляли стойку в конце зала. Здесь было полно студентов, большинство в повседневной одежде или хиппового вида. У автомата несколько парочек увлеченно кружились под «Долговязую Салли» Литл Ричарда. Вики здесь понравилось. Место напоминало съемочную площадку мыльной оперы. Официантки в униформе сновали туда-сюда по залу, стараясь управиться с заказами.

Майкл с Вики пытались протиснуться к барной стойке, по пути Майкла приветствовали знакомые, дружески похлопывая его по плечу. Иные здоровались, иные жали руку. Вики, как ни странно, это было приятно; Майкл, похоже, был популярен и уважаем. Наконец, они добрались до цели, и уселись на барные стулья. Смитти, собственной персоной, стоял за стойкой и тепло приветствовал Майкла. Похоже, они неплохо ладили. Смитти был рад увидеть Майкла в компании девушки и незамедлительно предложил им отведать мороженого. Смитти, как видно, было любопытно и непонятно, кем спутница приходится Майклу. Вики не была похожа на прочих посетительниц кафе; явно не из их братии. Смитти поставил перед Вики стакан с водой для ее цветка, а Майкл, тем временем, заказал два Сандея. Лишь только они принялись беседовать, кто-то похлопал Майкла по плечу:

– Ты куда пропал, дружище? Как дела?

Это был Чарли – хиппи, с длинными вьющимися светлыми патлами, в рубашке нараспашку, вареных джинсах, усеянных заплатками, куртке ковбойке, красных кроссовках и чудном хиппарском колье из зубов на шее. Типичный представитель детей цветов. Он поразил Вики, и она ему улыбнулась. Майкл ответил Чарли:

– Более-менее, а что у тебя?

– Тяжко, приятель, тяжко.

Майкл подтрунил над ним, дескать, тот не умеет наслаждаться жизнью. Затем он представил Викторю, которая добавила, что ее можно называть Вики.

Смитти водрузил на стойку два огромных бокала Сандея, фирменное «мороженое от Смитти», шоколадно-ванильное, со сливочной шапкой и карамельной вишенкой, обрамляющей макушку. Вики ошеломленно воскликнула: «Ничего себе!» и, спустя мгновение, погрузила ложку в набухший кремовый топпинг. Майкл с Чарли расхохотались, когда комок взбитых сливок остался у нее на носу. Потом Майкл рассказал ей немного о Чарли. Он был его соседом по комнате, вместе они ходили на лекции по праву. На самом деле они все делали вместе, почитай, как братья. Чарли снова спросил Майкла, куда тот пропал, и Майкл рассказал о своих приключениях в магазинчике, какой беспорядок он там ненароком навел. Все время, что они болтали с Чарли, Майкл не сводил глаз с Вики, а Чарли, в свою очередь, помаленьку угощался мороженым из бокала Майкла. Кто сказал, что любовь слепа?!

Ко всему она, должно быть, еще и глуха, потому как Чарли издавал причудливые звуки в процессе поглощения мороженого, а Майкл, будто не замечал этого. Чарли спросил, пойдет ли он в пятницу на вечеринку к Розе-Гречанке. Майкл, в свою очередь, обратился к Вики, спросив, пойдет ли она туда вместе с ним? Вики смутилась. Она не ожидала, что все завертится так быстро, однако обещала дать ему ответ на следующий день.

В тот момент Майкл с изумленным возмущением заметил, как бесславно оканчивал свои дни его Сандей. Изобразив яростный порыв гнева, он схватил Чарли за воротник его куртки.

– А ну, немедленно прекрати. Хочешь мороженого, купи себе сам!

Чарли притворился, будто увидел знакомого в другой стороне зала и когда Майкл отвлекся, сбежал, бросив на бегу:

– Увидимся, ребятки!

Так он ускользнул от грозного Майкла.

Вики смотрела на Майкла, и до нее внезапно дошло, что она влюбилась. Она вовсе не ожидала, что это случится в этот день, и вот так, просто. Впрочем, она понимала, никто не

может знать, когда любовь постучит в дверь. Они продолжали разговаривать, а на нее накатывало странное чувство, природы которого она не в силах была постичь. Ей была так хорошо рядом с ним. И, кажется, Майкл чувствовал то же. Когда Вики взглянула на часы, было уже половина одиннадцатого.

– Майкл, оказывается, уже так поздно... Надо идти, тетя наверняка очень волнуется...

Майкл взглянул на часы, вскочил как ошпаренный и принялся рыскать глазами по залу в поисках Чарли, которого заметил у музыкального автомата. Он подозвал Чарли, махнув рукой, и парень подбежал к стойке, встал по струнке и выпалил, – Здесь, сэр!

– Чарли, мне нужна машина, отвезу Вики домой...

Не проронив ни слова, Чарли вынул из кармана ключи от машины и бросил их Майклу, и поспешил вернуться к автомату. Вики захватила цветок, и, попрощавшись со Смитти, они вышли. Майкл подошел к Фольксвагену, это был обыкновенный жучок, хотя, если приглядеться, – вовсе не обыкновенный. Он был доведен до ума, окрашен в ярко-оранжевый, на высокой подвеске с навороченными фитингами. Удлиненные крылья открывали взору здоровенные гоночные покрывки. На боковых дверях красовались два огнедышащих дракона. Майкл открыл пассажирскую дверь для Вики и поспешил занять место водителя. Щелчок в ключе зажигания, и рев мотора оживил машину. Майкл зажег сигарету и спросил Вики, куда им ехать.

Она жила в Бруклине, в пуэрториканском квартале Флэтбуша, недалеко от Авеню Джи. Майкл вел одной рукой. Видно было, он умел без суеты и нервозности, как это делали молодые люди его возраста, пробиться в плотном трафике города. Они болтали о том о сем. Вики уже клонило в сон. Денек у нее выдался не из легких. Каждое утро, она поднималась в шесть, дорога от Флэтбуша до станции Вашингтон Сквер отнимала много времени. А может плавный ход авто убаюкивал ее... Ее всегда клонило в сон в салоне.

Проезжая по Манхэттенскому мосту, объезду ночной подсветкой, она была поражена красотой пейзажа за окном. Прежде она не замечала, как волшебно выглядел Нью-Йорк в ночные часы, когда все здания и мосты были освещены. Или это любовь заставила ее смотреть на мир сквозь розовые очки? Она задумалась, не слишком ли чувство захлестнуло ее. Любовь – великолепное явление; заставляет каждого видеть мир по-иному. Она вглядывалась в очертания знакомых районов, когда автомобиль проезжал Кони Айленд-Авеню по дороге к Флэтбушу. Тут и там встречались бильярдные и бары. Стены были покрыты граффити, а мусорные баки были переполнены. Наркоторговцы таились в дверных проемах, почти незаметные в тенях. А красный свет в окнах манил тех, кто, за пару долларов, готов был отдалиться удовольствию плоти и забыть, на время, жизненные невзгоды. Через некоторое время они добрались до Авеню Джи. Майкл едва узнал это место.

По дороге Майкл объяснил Вики, что вырос в этом районе Нью-Йорка, но задолго до того, как здесь появился пуэрториканский квартал. Эту часть Флэтбуша когда-то населяли еврейские иммигранты, его родители, например, которые сбежали из Восточной Европы от войны. Теперь, здесь даже магазины выглядели иначе. Виктория была удивлена, узнав, что его семья жила когда-то здесь, а теперь в Лонг-Айленде. Большинство пуэрториканцев, живущие во Флэтбуше, и близко не подойдут к Пятой авеню, и уж конечно, Лонг-Айленду.

Майкл поведал ей историю своей семьи. Тетушка Мария всегда говорила, – из хорошего сына выйдет хороший муж. Его отец был простым портным, когда он приехал во Флэтбуш из Польши, во время Второй мировой войны и усердно работал, чтобы выжить. Через некоторое время ему удалось обзавестись постоянными клиентами и собрать немного денег, удалось даже обеспечить работой друзей и соседей и скопить сумму, достаточную для того, чтобы открыть небольшую Мастерскую. Мастерская, в свою очередь, принесла неплохой доход, и родители Майкла арендовали здание побольше, в престижном районе. Теперь у них была крупная сеть магазинов на Пятой авеню.

Виктории было неловко рассказывать свою историю, потому как, и рассказать, толком, было нечего. Ей было шестнадцать, когда ее родители погибли в автокатастрофе в Пуэрто-Рико, и семью ей заменила тетя Мария, пожилая леди, со слабым здоровьем, которая жила в Америке. Вики поселилась у нее. Обе они работали, но денег хватало только на проживание. Но, ей не хотелось особо на этом акцентироваться. Она была простой девушкой, что работала в супермаркете. Ее тетя работала на полставки в фирме, занимающейся уборкой частных домов и офисов. Особых надежд на будущее они не питали, стремлений и планов, помимо незатейливой, спокойной жизни, у них не было.

Когда они добрались до улицы, где жила Вики, она указала Майклу на свой дом. Он взглянул на нее и заметил слезы в ее глазах, вызванные, скорее всего, ее рассказом о себе. Майкл смутился и сказал, что не хотел ее расстраивать. Чтобы разрядить обстановку он спросил, встретятся ли они снова на следующий день.

– Возможно, мы могли бы встречаться... – добавил он.

Вики улыбнулась.

– Майкл, ты смеешься надо мной? Неужели тебя интересует бедная сиротка из семьи иммигрантов?

Майкл осознал, что Вики чувствовала что-то вроде давления с его стороны. Несмотря на его обеспеченную и спокойную студенческую жизнь, он не был бабником. Он был занят учебой, и, даже если у него было время, чтобы сходить в кино, или на вечеринку, или в кафе, он не искал одноразовых отношений.

– Не надо, Вики. Ты ведь знаешь, что мне нравишься. Пожалуйста, соглашайся.

Вики сдалась.

– Вот, как мы поступим. Приходи завтра в магазин к половине седьмого, и мы увидимся. Хорошо?

Майкл изучал район. Он был потрясен. Все здесь изменилось с тех пор, как он уехал отсюда ребенком. Улицы выглядели заброшенными; мусорные баки открыты, а мусор раскидан по тротуару, и краска на зданиях облупилась. Ему было грустно. Они, наконец, доехали до дома Вики. Майкл припарковал автомобиль и приглушил мотор. Закурив, он, спросил Вики, не страшно ли ей возвращаться домой одной, по ночам.

– Ну, – сказала Вики, – Моя тетя обычно встречает меня у станции метро, и мы идем домой вместе.

Но ее тетя чувствовала себя неважно в последнее время. Ее мучил кашель.

На втором этаже кто-то раздвинул занавески, свет от уличного фонаря падал на авто. Из окна послышался громкий кашель, затем кто-то спросил:

– Виктория, это ты?

Вики опустила стекло, высунулась и громко ответила:

– Да, тетушка, сейчас я поднимусь.

Затем она обратилась к Майклу:

– Майкл, мне нужно идти.

Это было трогательно.

– Хорошо, увидимся завтра, после занятий. Доброй ночи, Виктория.

Она исчезла в здании, а он завел двигатель. Он был столь же смущен, сколь и она; все произошло настолько быстро. Все, что он знал, так это то, что, увидев ее, он обомлел и не мог не попросить о свидании. Он включил спокойную музыку и поехал по Манхэттену будто во сне... Хотя встреча с Викторией была внезапной, он понимал, что девушка не предприняла никаких усилий, чтобы привлечь его внимание. Она была не из тех девчонок, которые, живя в бедности, находились в постоянном поиске богатого мальчика; при том, у него на лбу не было написано, что его папой был мистер Толстосум. По виду не скажешь, что он из состоятельной семьи, никакой брендовой одежды, никаких Ролекс на запястье, а это сразу привлекает вни-

мание корыстных женщин. Нет... это, казалось, было просто любовью с первого взгляда, вот и все.

Глава 2

Любовь и реалии

Майкл вернулся в кафе «у Смитти» около полуночи. Зал почти опустел. Чарли ждал его. Они с Майклом были очень похожи. Невзирая на его внешность и увлечения, Чарли был серьезным студентом, он прилежно занимался и особого времени на дурачества у него не было. Они с Майклом познакомились вскоре после начала учебного года, а Чарли как раз искал соседа по комнате, чтобы поделить аренду за свой лофт на двоих. Оба они не увлекались алко-голем и куревом. Для Майкла Чарли стал прекрасным приятелем, он чувствовал себя свободнее, чем, когда жил со своими родителями. Кроме того, Лонг-Айленд – свет не ближний, избегая ежедневных поездок на поезде, Майкл сэкономил массу времени.

Пока они добирались до дома, Чарли расспрашивал, как прошло свидание. Он подшучивал над Майклом, ведь было очевидно, что он втрескался по уши в эту девчонку с первого взгляда. Чарли пока не приходилось видеть его настолько счастливым.

– Эта девушка – просто нечто, – заявил Майкл. – Говорю тебе... Я никогда ничего подобного не испытывал... Знаешь, похоже, я влюбился...

Вот так, мальчик был околдован. Чарли понимал, спасти приятеля уже слишком поздно, но он был поражен. Будучи сдержанным в отношениях с девушками, он не планировал ничего серьезного, по крайней мере, до окончания университета.

– Понимаю тебя, мужик. Она очень милая, вижу, что ты серьезно настроен на отношения. Свезло тебе приятель, точно говорю!

Чарли задумался, верил ли он сам тому, что сейчас сказал. Сам он в любовь верил, но для него это была, в первую очередь, морока. Сегодня заморочился, а завтра, черт знает, что случится. Кроме того, его семья не была идеальной. Не было ни особняка на Лонг-Айленде, ни Роллс-ройса или Лимузина, чтобы колесить по округе. Его детство прошло заурядно, а жизнь дала ему понять, что брак и семья – это не сказочки, скорее череда головных болей и обязательств. Следовательно, Чарли не разделял энтузиазма приятеля, когда речь заходила о таких скороспелых романах.

Они добрались до квартиры и сразу завалились спать. Было поздно, они устали за день и, кроме того, с самого утра нужно было идти на учебу. Но, оказавшись в кровати, Майкл не мог уснуть. Образ Вики преследовал его, он продолжал вертеться с боку на бок. Парень чувствовал себя счастливым и смущенным одновременно. До этого жизнь была вполне практически предопределена. Судьба ему благоволила. Его родители надеялись, что Майкл с братом Адамом станут преуспевающими студентами, когда они поступили на Юридический факультет. Их планы были предсказуемы. Стать юристами или адвокатами, а потом, одному из них, надлежит перенять семейный бизнес, а другому, начать работать у одного из влиятельных друзей отца. Ну, а далее – выгодные браки с девушками из преуспевающих династий, выбором которых, так или иначе, займутся их родственники. Ни Майкл, ни его родители не могли и полагать, что любовь перемешает все карты и порушит их планы.

Майкл все размышлял, он не просто неожиданно влюбился, а влюбился в девушку, словно, с другой планеты. Казалось, будто его жизнь была набором слайдов, а родители решали в каком порядке их проецировать, а он только что вставил слайд по своему усмотрению, без их позволения. Пока что Майкла это не сильно заботило, он был окрылен напором чувств и свойственным молодым сердцам воодушевлением, что придает жизни столь непредсказуемую остроту, но смущен он был не на шутку. Плавно мысли унесли его далеко и он, наконец, уснул.

Утро взошло над городом и птицы заливались трелями, приветствуя восходящее солнце. Майкл уже был в душе, наслаждаясь бодрящей прохладой, отрезвляющей и пробуждающей. Он полагал, что проснется измученным после четырех часов беспокойного сна, но чувствовал

себя полным энергии, как ни странно. Он легко оббежал бы весь штат Нью-Йорк, пересек бы пустыню или покорил гору, просто чтобы увидеть Вики. Принимая утренний душ, он с увлечением освежал в памяти истории о доблестных рыцарях, что он читал в детстве. Его всегда забавляло, как исполненные благородства воины готовы были перевернуть весь мир вверх дном ради их возлюбленных, мчась как ветер на их верных скакунах, расправляясь с каждым презренным злодеем, осмелившимся преградить им путь. В наш век лихих скакунов заменили мотоциклы, спасибо Харлей-Дэвидсон, а рыцарство и галантность были упразднены и теперь сводились к интрижкам на одну ночь...

Майкл резко пришел в себя, взглянув на циферблат часов, повешенных за ремешок на шторку душевой.

– О, Боже мой, мы опаздываем!

Он выскочил из душа, громко стукнул по двери Чарли, пока бежал за своей одеждой. Увы, даже землетрясение не разбудило бы Чарли в тот день, поэтому Майклу пришлось прибегнуть к более действенным мерам. Он рванул на себя дверь, и направился к кровати. Лишь копна светлых волос различалась среди простыней. Майкл принялся трясти Чарли, пока этот увалень, наконец, не открыл один глаз.

– Чарли, шевелись, мы опоздаем! Белая Ведьма ждет нас на лекцию, если ты не в курсе! Двигайся, ты, ленивый осел! Я внизу, жду тебя в авто...

Майкл вылетел из квартиры, которую они арендовали на Гринвич-Стрит, вниз по Три бека. Типичный многоквартирный дом с площадкой для машин и лестничными пролетами, идущими от тротуара до самой крыши. Майкл сел в машину и запустил двигатель, рев которого можно было услышать за пару миль. Он все ждал, терзаясь вопросом, сколько времени потребуется Чарли, чтобы навести марафет и предстать перед Белой Ведьмой во всей красе. Он дал по газам, не трогаясь с места, давая Чарли понять, что пора поспешить. В следующие пять минут Майкл лицезрел шоу, похлеще чем у Чарли Чаплина – будто все Чарли во всем мире дружно начали валять дурака.

Итак, это был выход Чарли.

Тщетно пытаясь просунуть левую руку в рукав его пальто, правой он отчаянно пытался удержать свои штаны, которые упорно отказывались держаться на поясе и съезжали чуть не до колен. Он был обут лишь в одну кроссовку, вторая болталась в зубах. Он почти упал, но, произведя невероятный кульбит, все-таки удержался на ногах, схватившись за ручку двери авто. Рухнув на сиденье, Чарли первым делом включил радио, чтобы услышать, как диктор объявляет о начале выпуска утренних новостей.

– Слава Иисусу – только восемь утра, Майкл!

Майкл расхохотался: – Ох, старина! Водок у тебя тот еще... Ладно, сегодня я хочу увидеть Вики. Мы сделаем так, сначала заедем в кофейню, куплю тебе кофе и беги, идет?

Чарли был потрясен таким предложением, недоумевая, ни канун ли Рождества нынче?

– Бойл, приятель? За беги я на все согласен, а как насчет бегло с лососем, дорогой Санта? – Чарли ерничал, и давился смешками.

– Хорошо, но не смей превращать это в традицию!

Майкл припарковал авто с присущей ему резкостью, Чарли чуть не вывалился из окна, впрочем, нет худа без добра – встряска эта способствовала его окончательному пробуждению. Они направились в кофейню твердой решительной поступью, как два налетчика, входящие в банк перед ограблением. Чарли сидел на барном стуле с гордой и торжествующей улыбкой в ожидании обещанного вознаграждения. Не прошло и минуты, как Майкл поставил перед ним бесподобный эспрессо и бейгл со сливочным сыром, с хрустящей корочкой, только из печи. Не успел Майкл выйти, чтобы донести два бумажных стакана эспрессо до минимаркета, а Чарли уже допивал свой кофе, проглотив добрую половину бейгла.

Майкл торопился и по мере приближения к магазину, чувствовал будоражащее волнение. Заметив Вики за прилавком, он почувствовал, как сердце начало биться быстрее, а дыхание перехватило. Улыбаясь, он направился к кассе, не оставляя попыток вернуть самообладание.

– Доброе утро, моя бабочка.

В этот момент на Майкла снизошло озарение.

– Позвольте, что со мной происходит? Неужели это я несу этот сентиментальный бред, похоже, я совсем размяк, просто таю рядом с ней – наверное, вчера переел мороженого!

Однако он был вновь покорен ее улыбкой, когда с гордостью подошел к прилавку с кофе.

– Уверена, ты говоришь это каждой девушке! Обольститель!

Майкл парировал: – Нет, только тебе, лишь ты способна порхать с легкостью бабочки...

Видимо, она была в игривом настроении, с театральным укором обвиняя Майкла в том, что он лишь высмеивает ее.

– Высмеиваю?! Сэр Майкл, докажите ей серьезность ваших намерений!

Словно рыцари в старинных эпохах, Майкл опустил на одно колено и исполненный галантности, спросил обескураженную девушку: – Виктория, будьте моей женой!

Слишком много потрясений сразу после завтрака. Вики не знала как отреагировать и попросту потеряла дар речи.

– Прекрати, Майкл. Мы едва знакомы!

Он все еще стоял на одном колене и, схватив Викторию за руку, начал покрывать ее поцелуями. – Все это не важно. Я – Ваш покорный слуга...

Папа Лоренсо развеял чары. Майкл смотрел Вики прямо в глаза, и внезапное вмешательство извне нарушило всю идиллию момента.

– А ну-ка, господин Валентино, благоволите оставить девушку в покое!

Майкл рухнул с небес на землю, отрезвленный мощным голосом с итальянским акцентом. Он обратился с приветствием к Папе Лоренсо, исполненный дружелюбия.

– Доброе утро, Папа Лоренсо, я могу чем-нибудь помочь?

Это могло окончательно вывести Папу из себя, он с трудом удерживал коробку, набитую жестяными банками с консервированными фруктами. Коробка накренилась практически до пола, но предложение Майкла придало ему сил.

– Хорошо, молодой человек, можете расставить банки на ту полку. Но, не вздумайте разбросать мой бесценный товар по всему магазину, как вчера. Вы хоть помните, что натворили?! Я все еще не пришел в себя. Проявите уважение к старику со слабым сердцем...

Майкл начал расставлять банки по полкам со скрупулезностью пластического хирурга из Беверли-Хиллз. Папа Лоренсо с удовлетворением перевел дух, наблюдая за работой Майкла, словно за Гераклом на веслах его галеры. Тем временем ошарашенная Вики, все еще приходила в себя после слов Майкла.

– Стать его женой? Конечно, отношения влюбленных сводятся к свадьбе... Но любит ли он меня? И насколько сильны мои чувства, чтобы выйти за него?

В груди словно защемило, сердце, будто само дало ответ.

– Ну ладно, твоя взяла, – прошептала она.

Дверь открылась, на пороге показался молочник и прокричал стандартное: – Как обычно?

– Как обычно, плюс еще одну! – прокричал Папа Лоренсо.

– Как обычно плюс одну! – Повторил молочник своему помощнику. Гордо пригладив пышные усы, он вошел, на ходу делая пометки в блокноте.

“Бонжорно, синьорита. Как ваши дела?”

Виктория покраснела и перевела взгляд на Майкла. Получив счет, что молочник вручил ей, она открыла кассовый аппарат.

– Совсем неплохо, спасибо. Сколько с нас?

Она снова взглянула на счет и, расплатившись, улыбнулась, а улыбка порой много может сказать. Молочник оценивающе взглянул на Майкла, заметив про себя, насколько странно это для красивой девушки – влюбиться в человека без усов...

Продемонстрировав целостность товара, молочник с помощником покинули магазинчик, растворившись в потоке городского транспорта, в то время как Майкл размещал на полке последнюю банку, банки стояли аккуратно, стык в стык, этикетки, демонстрирующие пиалу аппетитного фруктового салата Del Monte, смотрели в сторону покупателя. Сегодня у Майкла было серьезное основание гордиться собой, не то что накануне; на самом деле, он полагал, что заслуживает медаль за образцовый труд.

Виктория наблюдала за Майклом со спины. Ее все не покидало то чувство трепетного беспокойства, что будоражило все внутри, но, не принять тот факт, что это чувство ей нравится, она не могла. Вспомнив про стаканы на прилавке, она позвала Майкла выпить кофе, пока он совсем не остыл. Майкл, прищурившись, заметил: – В этой блузке ты так потрясающе выглядишь. Я в восторге!

Щеки ее покрыл румянец, ее ресницы дрогнули, тем не менее, она спросила: – Ты правда так считаешь, Майкл?

Внезапно, откуда ни возьмись, появилась Шарлин, и спросила, не тот ли это парень, который накануне устроил в магазинчике погром. Майкл поднял глаза к небесам и произнес: – Да, я признаюсь! Но я торжественно обещаю быть осмотрительнее в будущем.

Взглянув на нее снова, Майклу показалось, что ее лицо ему знакомо. Кажется, он встречал ее в Нью-Йоркском Университете. Наверное, она студентка. Шарлин призналась, что это правда. Она тут же напомнила, что он может опоздать на занятия, если не поспешит. Майкл, вздрогнув, взглянул на часы, в тот момент, когда на пороге появился все еще жующий Чарли.

– Эй, приятель! Ты в курсе, сколько времени? Пора выдвигаться. Мы же не хотим разозлить Белую Ведьму!

На ходу Майкл выпалил: – Увидимся вечером, после занятий! – И они с Чарли выбежали, рванув к импровизированной финишной черте – воротам университета.

Шарлин взглянула на Вики с колкой улыбкой.

– Похоже, у тебя целый клуб почитателей! Его друг выглядит немного чудаковато, но мне нравится его стиль. Обычные парни такие скучные! Хотя, твой выглядит приличным и опрятным. Ну ладно, пойду переоденусь.

Вики просто улыбнулась, ничего не ответив. Весь день прошел будто во сне, у Вики перед глазами стояла картина, они с Майклом, проходящие по ступеням церкви под дождем из риса. Она с нетерпением ждала вечера. К половине шестого Вики уже изнемогала в предвкушении времени полного чудес. Она уже позвонила тете, и сообщила, что снова вернется поздно. Ее тетя успокоилась лишь после того, как Вики пообещала привести Майкла и представить его.

Внезапно, послышался рев двигателя и визг шин, чья-то машина резко затормозила. Не было нужды смотреть в окно, чтобы понять – на этот раз за рулем сидел Чарли. Вики вышла им навстречу, и сердце ее лихорадочно забилося.

Майкл, повернулся на своем сиденье и открыл заднюю дверь, чтобы Вики могла сесть в авто. А Чарли, наблюдая за ней в зеркало заднего вида, неожиданно спросил о Шарлин.

– Та девушка в магазине, что подошла к нам этим утром, ты ее знаешь?

Виктория рассказала ему о Шарлин все, что знала.

– А почему ты спросил? – поинтересовалась она.

Чарли посмотрел на Майкла. Ему было слегка не по себе, а голос выдавал некоторую нервозность.

– Сказать по правде, Вики, пять дней в неделю, по вечерам, я работаю в проекторной кинотеатра, чтобы оплатить обучение, в общем, у меня совсем не остается времени на деву-

шек. Завтра наша подруга Роза устраивает вечеринку, одному мне идти не хочется. Я подумал, может она присоединится ко мне. Не могла бы ты спросить ее?

Вики улыбалась, а Чарли продолжил: – Вы же идете туда с Майклом, так ведь?

Вики, действительно хотелось пойти.

– Я полагаю, что так, – ответила она – А Шарлин, думаю, сейчас не до нас, я обязательно спрошу ее. Я уверена, что она согласится.

Чарли приободрил такой ответ. Изобразив на лице ангельскую улыбку, он пообещал Вики, что будет вести себя лучшим образом на вечеринке. Затем Чарли повернул ключ в замке зажигания, двигатель неожиданно взвыл и прервал их разговор.

– А теперь, на работу!

Он надавил на педаль газа, и машина сорвалась с места. Вечеринки, девушки... Чарли ждали в проекторной, приоритеты были расставлены на этот вечер. Виктория спросила: – Так ты работаешь сегодня, Чарли?

Пожав плечами, он слегка потряс Майкла за руку ехидно выдав: – Что поделать? Некоторым приходится работать, чтобы сводить концы с концами, правда, Майкл?

Майкл пытался настроить радио. Чарли успел выкрутить звук так, что в ушах звенело. Майкл вертел регулятор громкости, пока звук не стал приемлемым для человеческого уха. Чарли пытался просочиться в потоке машин, однако становилось все более очевидно, что они застряли в жуткой пробке. Автомобили были почти обездвижены, слышался лишь хор гудков и сигналов. Когда Чарли заметил вход в подземку, ярдах в тридцати, у него внезапно возникла идея. Он распахнул дверь.

– Вот что я надумал! Майкл, я, пожалуй, пересяду на метро, если я не хочу опоздать на работу, а если мы останемся в этой пробке, я уж точно опоздаю. А вы забирайте тачку и хорошо проведите время. Захвати меня на обратном пути, я закончу в одиннадцать.

Когда Чарли выскочил из машины, не забыв перед этим напомнить Вики о Шарлин и вечеринке, Майкл быстро пересел на место водителя. Вики это позабавило.

– Не волнуйся, Чарли, я обязательно спрошу... – ответила она. – Я позвоню ей сегодня вечером, договорились?

Она ожидала ответа, но Чарли уже вбегал в подземку.

– Что же мы будем делать? – спросила Вики.

Церемониальным тоном Майкл сообщил, что зарезервировал столик в ресторане, полагая, что она, должно быть, проголодалась после рабочего дня. В зеркале заднего вида Майкл не мог не заметить ее удивления, и немедленно уточнил, что приглашает ее просто съесть по гамбургеру. Они рассмеялись и начали болтать, пока пробка понемногу не рассосалась.

Он припарковал автомобиль у тротуара возле бургерной. Официантка на роликах быстро подъехала к автомобилю, готовая принять заказ. Сделав пометку в блокноте, она умчалась прочь, Вики проводила ее взглядом. Вскоре девушка вернулась, манерно притормозила у двери и протянула им поднос с двумя огромными бургерами, порцией картофеля фри и двумя стаканами колы. Вики была в изумлении, недоумевая, как официантке удавалось доставлять заказы к машинам, не пролив ни капли. Слушая радио они молча ели. Подкрепившись, Виктория подалась вперед и поцеловала Майкла в щеку.

– Ты можешь отвести меня домой пораньше сегодня? Я волнуюсь за тетю – она чувствует себя плоховато. Так или иначе, она не пустит меня с тобой на вечеринку, если вы не познакомитесь.

Майкл согласился без возражений, поинтересовавшись лишь, что стоит преподнести тетушке Марии, цветы или конфеты? Решив, что цветы будут более уместным подарком, Майкл принялся искать цветочный магазинчик поблизости. Перед тем как направиться в сторону Бруклина, он купил большой букет красных роз, которые он обожал.

После долгого дня и сытного обеда Вики стало клонить в сон. Когда они добрались до Флэтбуша, Майкл деликатно разбудил ее, и они поднялись на второй этаж. Он держал в руках букет, а она пыталась отыскать в сумочке ключи. Когда они вошли, в нос ударил запах чеснока.

Майкл жался у двери и Вики обратилась к нему: – Проходи, не стесняйся! Тут не людоеды живут. Мы не кусаемся!

Послышался громкий кашель. Вики открыла дверь гостиной и застала тетушку Марию лежащей на диване. При виде племянницы женщина выдохнула с облегчением. Вики подошла к дивану и поправила подушки и одеяло, которое наполовину сползло с ее ног. Они поцеловали друг друга. Майклу лицо тетушки Марии показалось очень приятным. Добродушное лицо, покрытое морщинами, с волосами, белыми как снег, женщина за шестьдесят, но в ее глаза читались задор с энергичность. Улыбка не сходила с ее лица, вероятно, такой веселой она и была по жизни, а не просто улыбалась из вежливости. Вики с гордостью объявила:

– Тетушка, это Майкл.

Он вышел вперед, чтобы вручить тетушке Марии цветы. Вики исчезла на кухне и тут же вернулась с ножницами и вазой, которую она поставила на журнальный столик с тетиной стороны.

– Не хочешь чая, тетушка?

Заранее зная ответ, Вики юркнула обратно в кухню, оставив их в гостиной. Тетушка Мария, подрезала розы одну за другой, а Майкл стоял перед ней по стойке смирно, чувствуя себя так, словно сдает выпускной экзамен. Тетушка Мария нарушила тишину:

– Так вы и есть Майкл, о котором моя маленькая Виктория столько говорит?

Майкл кивнул, улыбнувшись. Тетушка стала более серьезной:

– Если вы не знаете, – продолжила она, – вы ее первый кавалер. Я опасаясь, что ее первая любовь может принести много боли и проблем. Она сирота, и жизнь ее не баловала, пока что. Два года назад моя сестра и ее муж, упокой Господь их души, погибли в автокатастрофе. Из родни, кроме меня, у нее никого не осталось, и, как видите, я – больная женщина. Я в ответе за девочку, как ни крути. Вы понимаете меня?

Майкл кивнул.

– Хорошо. Теперь, расскажите мне немного о себе, молодой человек, и, возможно, вы тоже будете называть меня тетушкой. – Она подмигнула, и искорка в ее глазах сняла с Майкла напряжение.

Однако Майкл не торопился быть слишком открытым. Он рассказал о себе и своем брате, о занятиях по закону и праву и своих родителях. Он чувствовал смущение и стеснялся признаться, что они жили на Лонг-Айленде, поэтому опустил некоторые детали, говоря все больше о себе.

– Я живу на съемной квартире около Нью-Йоркского Университета, вместе с соседом Чарли, моим хорошим другом. Оба мы – приличные ребята. Я никогда не принимал наркотики, не имел проблем с полицией и, признаюсь... влюбился в Вики с первого взгляда. Я обещаю заботиться о ней и сделаю для нее все, что в моих силах.

Когда они говорили, то смотрели друг другу в глаза, пока ее снова не разобрал приступ кашля и тетя, отстранившись, поднесла платок к губам. Она посмотрела на дверь кухни, подождала Майкла и прошептала:

– Я должна сказать, что у нас с Вики был долгий разговор этим утром, главным образом, о вас. Она призналась, что полюбила вас.

Она собиралась сказать еще что-то, когда Вики вышла из кухни с чашками на подносе. Она поставила его на журнальный столик и посмотрела на Майкла.

– Тетушка, о чем вы сейчас говорили?

Майкл, с присущей ему дипломатичностью, проявил инициативу, сказав:

– Все в порядке, Вики, тетушка и я просто пытались узнать друг друга. – Затем, сдержанно улыбнувшись, обратился к тете Марии, спросив: – Я ведь могу называть Вас тетушкой?

В этот момент все невольно улыбнулись, даже Вики. Она успокоилась, решив, что они неплохо поладили. Вики подумала, что самое время достать коробку с Монополией – добавить вечеру семейной атмосферы. Следующий час они беспечно болтали обо всем подряд. Время пролетело быстро. Майкл украдкой посмотрел на часы. Было без четверти одиннадцать.

– Жаль, но мне уже пора, Вики. Я и не заметил, как пролетело время.

Вики рассказала тете Марии о Чарли, пока Майкл надевал куртку. Она спросила тетю, глядя на Майкла:

– Тетушка, друзья Майкла устраивают вечеринку завтра. Могу я пойти с ним, пожалуйста?

Тетя Мария узрела тихую мольбу в ее глазах и посмотрела на Майкла. Она неохотно согласилась: – Хорошо, но только, если вы за ней присмотрите и доставите домой пораньше.

Майкл пообещал, что так и сделает, наклонился и поцеловал ее морщинистую щеку.

Глава 3

Вечеринка у Розы

– Доброй ночи, тетушка, сладких снов. – Он направился к двери, Вики следовала за ним.
– Увидимся завтра, – прошептал он и поцеловал ее в щеку.

Вики провожала его взглядом, пока он спускался по лестнице, а когда он вышел из поля зрения, вернулась к тете. Она держала ее за руку, присев на край дивана, слушая как авто Майкла удаляется, пока шум мотора не потерялся в ночи.

Ровно в одиннадцать Чарли вышел из кинотеатра. Отправив ключи в карман, он с надеждой рыскал взглядом по сторонам. Он зажег сигарету и теперь нервно курил. В поле зрения никого не наблюдалось. Докурив, он начал ходить туда-сюда.

Где-то около полуночи, Майкл остановил авто перед кинотеатром, и его приятель запрыгнул на соседнее сиденье. Первым делом Майклу следовало извиниться за опоздание. По его милости Чарли прождал на улице битый час.

– Дай мне сказать. Я сожалею, что опоздал. Каждый раз, когда я с Вики, я теряю счет времени.

Майкл ожидал чего угодно, но реакция Чарли привела его в замешательство. Казалось, ему был совершенно безразличен тот факт, что ему пришлось прождать так долго. С отрешенным философским видом Чарли дал загадочный ответ, озадачивший Майкла не меньше.

– Мне крайне любопытно, почему плиты, которыми мостят тротуары, не подгоняют под среднестатистическую длину шага.

Майкл покачал головой в недоумении. Он взглянул на небо, чтобы удостовериться, нет ли там полной луны, но, убедившись в отсутствии оной, задумался, какое природное явление было в состоянии спровоцировать у Чарли такое поведение.

– Ну, одно могу сказать точно, Шарлин согласилась поехать на вечеринку. С тебя причитается!

Чарли спустился с небес на землю, возблагодарив проведение и, конечно, Вики за содействие в осуществлении этого чуда. Он присвистнул на выдохе громче, чем грузовой поезд, а правый кулак, в знак одобрения, выкинул вверх с такой резкостью, что позавидовал бы сам Кассиус Клей. Удар пришелся на лобовое стекло, завершив маневр громким ударом по крыше авто.

– Поттише, так ты сломаешь нашу тачку, на чем тогда мы привезем девчонок на вечеринку, на закорках что ли? – начал возмущаться Майкл.

Чарли умолк и всю дорогу смирно сидел с восторженной улыбкой, в то время как Майкл думал о Вики и ее непростой жизни. Постепенно он перешел к раздумьям о собственной семье, об отце, что иммигрировал в Америку из Германии перед началом Второй мировой войны.

Его отец был не из тех, кто приехали в Америку, чтобы добиться успеха. Дэвид Шульц не был движим американской мечтой, не возлагал больших надежд на будущее, хотел лишь поселиться в Бруклине, и зарабатывать на жизнь портняжным делом. Он упорно работал, добился успеха и пожинал плоды своего труда. Возможность разбогатеть для него была не так важна, главным было то, что Америка являла собой – пристанище для европейских евреев во время и после Холокоста. Страна с исключительной терпимостью и уникальным политическим строем. Впрочем, это скорее была позиция брата Дэвида – Сэмюэля.

Сэмюэль Шульц был старше Дэвида и задолго до Холокоста, питал огромный интерес к Америке, как родине истиной демократии, законности, уважающей свободу вероисповедания, убеждений для любой расы. Было много стран, куда стремились евреи, спасаясь от Холокоста: Южная Америка, Австралия, Южная Африка. Но для Дяди Сэмюэля новой обетованной землей могли стать лишь Соединенные Штаты Америки. Сразу по прибытии он начал работать

официантом в ресторане, чаевые были хорошим подспорьем, и вскоре он поступил на Юридический факультет.

После того как он получил диплом, друзья предлагали ему место юриста в своих фирмах, но дядя Сэмюэль пошел по другому пути. Он выбрал трудный путь – карьеру адвоката по делам о защите гражданских прав, это был тяжкий труд, принесший плоды лишь спустя годы. Дядя Сэмюэль был женат на тетушке Элизабет, с которой познакомился в университете, много лет жившей по соседству с ним, в Бруклине. Супруги оказывали большое влияние на Майкла и его брата Адама.

Дядя Сэм постоянно вел с ними беседы по разнообразным правовым вопросам и привлекал к обсуждениям злободневных моментов, газетных статей, прививал им азы идеологии и философии. В действительности, дядя оказывал большое влияние не столько на них, сколько на своего брата. Их собственный отец никогда не ставил под сомнение важность чрезмерного увлечения мальчиков буквой закона. В результате, когда им пришлось время выбирать карьеру, Адам ни на миг не колебался. Он твердо решил получить юридическое образование. Через несколько лет по его стопам пошел и Майкл.

К тому времени Сэм и Элизабет переехали в Вашингтон, они стали видеться реже с мальчиками. Сэм работал в крупной юридической фирме, специализирующейся на Гражданском праве, и зарекомендовал себя ведущим адвокатом. Несколько раз его имя даже фигурировало в заголовках СМИ, но это пошло лишь на пользу его карьере. Скверно было, что он стал заядлым трудолюбом и не щадил себя. Тетушка Элизабет с не меньшим вниманием относилась к их общему призванию и поддерживала мужа, принимая тот факт, что профессия его требует полной отдачи, до изнеможения. Как оказалось, мера нужна во всем; три года назад, он скоропостижно скончался от сердечного приступа, хотя был еще довольно молод.

Удивительно, но тетушка Элизабет сильно изменилась после его смерти. У них не было детей, и она считала себя ответственной за выбор, что они сделали, за то как они прожили жизнь, за жертвы, на которые им пришлось пойти. Она переехала во Флориду и больше не общалась с семьей умершего мужа.

Майкл принимал горячий душ. Нежась под расслабляющим потоком теплой воды, он ощущал невероятную уверенность, отгоняющую прочь все сомнения, которыми он последнее время терзался. Высушив волосы и причесавшись перед зеркалом, он надел элегантный белый костюм. А Чарли, тем временем, пытался настроить себя на романтический лад за просмотром мильной оперы по телевизору. Пока он сушил волосы, сердце неожиданно начало резво биться, трепетно ожидая светлого чувства. Чарли и Майкл закончили наводить марафет практически одновременно.

Поразмыслив, Майкл решил одеться нарядно, как подобает истинному кавалеру, ну а Чарли выглядел как обычно, за исключением одной детали – шнурки его красных кроссовок были – вы не поверите – аккуратно зашнурованы. На нем была клетчатая рубашка, а-ля дровосек из Кентуки, под которую он одел любимую футболку и вареные джинсы в заплатках на коленях. Они походили на Красавца и Чудовище, готовых отправиться в замок в поисках их спящих красавиц. Как только Чарли почистил зубы и поглядел в зеркале еще раз, парни впопыхах покинули квартиру.

По пути в Бруклин Майкл купил два больших букета: красные розы и гвоздики, как дополнение к своему безупречному стилю. Потом они заглянули в винный магазин, где Майкл купил две бутылки шампанского, а Чарли – бутылку греческого вина, в подарок Розе. Майкл с большим удовольствием подтрунивал над Чарли по поводу бракосочетания с Шарлин, а тот, в свою очередь, подшучивал над старомодной манерой ухаживания Майкла, разговорами о преданной любви, не говоря уже про пристрастие к игристым французским винам, что бьют пузырьками в нос и мучат потом живот газами, в то время, как любой порядочный американ-

ский мужчина в состоянии выпить пару галлонов бурбона, не захмелев, твердо держась на ногах. Их спор не успел подойти к завершению, когда они добрались до дома Вики.

Майкл с букетом для тетушки Марии поднимался по лестнице, красные розы в купе с белым костюмом, заставили женщину обомлеть. Это напомнило ей о временах ее молодости, до того, как она приехала в Америку, когда юноши Гаваны страстно мечтали добиться ее расположения. Она не могла не сделать Майклу комплимент по поводу его элегантного вида. Когда он вручил ей цветы, тетя Мария пригласила его пройти в гостиную, а Вики, в этот момент, вышла из своей комнаты, глаз от нее было не оторвать.

Длинное красное платье, с вышитыми черными розами, облегалo изящную фигуру. Широкий пояс подчеркивал тонкую талию. Локоны темных лоснящихся волос доходили до лопаток, она напоминала Майклу солистку балета фламенко. Он не мог подобрать слова, покоренный ее сногшибательной красотой. Он лишь застенчиво поцеловал ее в щеку, Вики, в свою очередь, похвалила его лосьон после бритья и отступила на шаг, чтобы окинуть взглядом своего рыцаря в белом одеянии. Майкл извлек из вазы красную розу и протянул ей. Вики вплела цветок в волосы и накинула легкую куртку, Майкл заверил тетушку Марию, что будет беречь девушку как зеницу ока, и вскоре они удалились.

Чарли, конечно, издал свойственный присвист, когда увидел Вики, щеки которой покрылись румянцем.

Теперь нужно было заехать за Шарлин. Отец Шарлин работал главным бухгалтером в крупной импортно-экспортной компании. На доходы он не жаловался, компания также поощряла его приятными бонусами, вроде роскошной квартиры, в которой они жили. Когда они подъезжали к зданию, Чарли оторвался от пассажирского кресла и прильнул к окну, осматривая здание индивидуальной планировки.

– Вы только полюбуитесь! – воскликнул он, распахнув дверь авто, чтобы Вики могла выйти. – ЛЮКС! Уж в чем, в чем, а в роскоши я знаю толк...

Чарли изобразил усмешку, больше напоминающую волчий оскал, чем рассмешил Майкла и Вики. Вики отправилась за Шарлин. Автоматические стеклянные двери распахнулись, когда она подошла к лобби. Сразу же выбежал консьерж, узнать, чем он может помочь?

– Скажите мисс Шарлин Уильямс, что Виктория ожидает внизу.

– Конечно, мисс, одну минуту.

Консьерж немедленно исчез и вернувшись, сказал Вики, что Шарлин уже спускается. Когда девушки вышли из здания, Чарли направился им навстречу и обомлел от того что увидел.

Шарлин была в обтягивающих белых джинсах, голубой блузе, на высоких каблуках: ее длинные, светлые волосы, спадали на плечи, тона ее одежды подчеркивали глубину цвета ее глаз, синих как море. В этот раз Шарлин не злоупотребляла помадой, и контуры ее нежных губ приобрели естественные очертания. Чарли усадил ее справа, на место рядом с водителем, пока Майкл и Вики держались за руки на заднем сиденье, машина тронулась, и они начали болтать.

Квартиру Розы на Ист-Виллидж было легко приметить. Когда они свернули за угол на ее улицу, число людей на тротуаре заметно увеличилось. Припарковаться было негде. Они направились вниз по улице, где и оставили машину и присоединились к другим прибывающим гостям, направившись в сторону источника музыки. Они подошли к ступенькам, ведущим в подвал, где выстроилась своеобразная очередь; почти все держали в руках бутылки с алкоголем или упаковки с пивом. Две пары присоединились к очереди, остановившейся на полпути, на лестнице, Роза приветствовала всех и каждого у двери крепкими объятиями и поцелуем. Она была красива и очень популярна среди своих сокурсников в университете и заработала славу рьяной заводилы. Заметив девушек, она воскликнула:

– Майкл, кто эти красавицы?

Майкл представил их спутниц, а Вики с гордостью протянула хозяйке букет роз, пока Шарлин светилась покоряющей улыбкой. Роза поблагодарила Вики за цветы, не преминув восхититься тем, как девушки выглядели.

Они вошли в гостиную, и оказались погружены в густую завесу дыма, окутывающего танцующих гостей. Однако, основное веселье разворачивалось не здесь. Другая дверь в гостиной вела в сад. Пробираясь сквозь толпу, Вики была рада притоку свежего воздуха, когда последовала за Майклом по короткой лесенке в сад. Она восхитилась опрятностью лужайки и большим патио. Гости танцевали, ели и пили. Две огромных колонки на столбах по краям сада заливались громкой музыкой. Деревья и забор были увешаны электрогирляндами, отбрасывающими мерцающие тени на траву и купающимися танцующие пары в мягком свете.

С одной стороны лужайки были накрыты два длинных стола со множеством закусок, лаконичным салатным баром, аппетитным ассорти свежих фруктов и полностью укомплектованным баром. Вики недоумевала, сколько видов горячительного здесь было. Она также заметила, что у Чарли глаза разбегались при виде такого разнообразия спиртного. На противоположной стороне двора готовилось барбекю, по масштабам достойное празднования Дня независимости США, дым от гриля обволакивал выгибающиеся под музыку фигуры.

Чарли и Майкл продолжали свое торжественное шествие к бару, где они оставили свои бутылки, а острый глаз Чарли, немедленно сосредоточился на грильзоне с ее привлекательным ассортиментом колбас, шашлычков, стейков и бургеров. Схватив Шарлин за руку, он потянул ее за барбекю. Майкл и Вики остановились у бара, Майкл принялся разливать Шабли в два бокала, пока его приветствовали знакомые.

Вики не увлекалась спиртным – сказать точнее, она почти вовсе не пила – но в такой особенный вечер ей не хотелось казаться занудой. Потягивая вино, она позволила себе насладиться приятным хмельным теплом, распространяющимся по телу. Майкл обхватил ее за талию, и они так же направились к грилю, но тотчас наткнулись на стену протеста. Чарли был крайне возмущен тем, что такой бессердечный человек как Майкл, не удосужился предвидеть, какая жажда обуяет его товарища, после апробации приличной порции мяса с гриля. Он отправил Майкла за выпивкой, чтобы утолить жажду.

Виктория слегка опьянела, и когда Майкл возвратился, она посмотрела на него с восхищением и крепко сжала его руку. Все заметили, как он хорош в своем белом костюме. Он поцеловал ее в лоб, и когда медленная музыка сменила энергичные ритмы диско, они начали танцевать. Вики знала, что он намеревался ее поцеловать. Их первый поцелуй, каким он мог быть? Она таяла в предвкушении. Она была застенчива от природы, но на свидания не ходила не по причине своей застенчивости, не потому что волновалась за тетю Марию. Смерть ее родителей два года тому назад, конечно, оставила рану на ее сердце, все же она была уверена, что любовь была главным условием при выборе идеальной пары, такая же любовь, как у ее родителей, с первого дня и до последнего.

Виктория и Майкл были поглощены переполнявшими их чувствами и позволили музыке унести их вдаль. Они шептали нежные слова, а жар любви вскружил им головы. Внезапная вспышка, ни коим образом не относящаяся к их эмоциональному экстазу, ослепила их на мгновение. Чертовка Роза, выждала момент и щелкнула их на свой Полароид – ей в оправдание, нужно признать, это был самый трогательный снимок, который когда-либо делала Роза.

– Сегодня... я приготовила такой сюрприз для самых красивых и милых гостей. И вы, в их числе!

Роза потрясла снимком Полароида в воздухе, а Майкл поймал его с большой осторожностью, поскольку картинка еще не проявилась.

– Ну ладненько, ребятки, теперь я должна отыскать еще несколько парочек, вроде вас. Увидимся! – Как обычно, без Розы не обошлось.

Медленная музыка все играла, а Майкл и Вики продолжали танцевать, не обращая внимания на внешний мир. Вики никогда бы не забыла тех слов, что Майкл сказал ей в тот бесценный момент. А Майкл до конца дней лелеял бы в душе сцену, что предстала перед его глазами. Бабочки вроде нее, рожденные, чтобы распространять любовь и красоту по свету.

«– Я никогда не загублю твои крылья, я буду для тебя цветком, на лепестках которого ты сможешь отдохнуть», – произнес он.

Если бы не Чарли, они медленно кружились бы в танце до утра. Похлопав Майкла по спине, он воскликнул:

– Эй, прекратите это! Под рок так не двигаются!

Майкл был смущен; он опустил с небес на землю, а колонки выдали последние аккорды: «Не будь жестокой», в исполнении самого Короля. Чарли дрыгался как индеец, исполняющий боевой танец, Шарлин забавляла его причудливая манера двигаться.

Не готовый расставаться со сказкой, Майкл повел Вики к ближайшей скамье. Они сидели тихо, он обнял ее за плечи, любуясь звездами в залитом лунным светом небе. Вики было не по себе. Она не понимала, был ли тому виной Майкл, убаюкивающее действие от выпитого вина или густое облако дурмана окутавшее ее.

В два часа ночи, вечеринка была в самом разгаре. Вики и Майкл заметили, как Роза проскользнула через черный ход, в сопровождении двух парней, одетых лишь в шорты, которые несли старую ванну и бутылки греческого вина. Майкл сообщил Вики, что ее ждет уникальное зрелище – «Сиртаки от Розы». Еще трое ее полуголых сопроводителей несли по кипе плоских тарелок. Роза попросила гостей расступиться.

Под мелодию из «Грека Зорбы», Роза с теми парнями, при поддержке прочих гостей, начали щелкать пальцами и притаптывать ногами в такт ритму музыки. Роза смотрелась сногшибательно в свете огней. Кто бы мог подумать, что это очаровательное создание резко повернется и бросится крошить груды тарелок о полированную эмаль ванны.

– Хорошая вечеринка, правда? – спросил подоспевший Чарли, глаза которого сверкали странным блеском, как видно, после пары выкуренных косяков. Он наклонился к Майклу, шепнув: – Шарлин хочет поехать к нам! Как у вас дела с Вики?

Майкл об этом пока не думал. Хотя понимал, возвращаться домой ранним утром – не лучшее решение. Вики согласилась заехать к парням, но, при условии, что они предупредят тетюшку Марию. Отыскав Розу, они спросили, можно ли воспользоваться телефоном в ее комнате.

Майкл взял Вики за руку. Почти все пространство комнаты занимал огромный водяной матрас, стоящий как огромный алтарь. Какая-то парочка устроилась там, сплетаясь в жарких объятиях. Как видно, присутствие других людей их вовсе не смущало. Тетюшка Мария все еще не спала, в ожидании возвращения племянницы. Тем не менее, она не стала спорить с Вики, хотевшей задержаться до утра, видимо, будучи убежденной уверением племянницы, что веселье было в самом разгаре, и Вики отлично проводит время. Майкл также взял трубку и пообещал тетюшке, что доставит Вики домой в целостности и сохранности, как только вечеринка закончится.

Сразу после, друзья уехали, не дожидаясь пока Роза заключит их в тиски дружественных объятий и покроет поцелуями. Когда они добрались до лофта, Майкл вытащил из-под сиденья вторую бутылку шампанского, которое он купил по дороге на вечеринку. Поднявшись в квартиру, Майкл положил шампанское в морозильник, а сам отправился принять душ и переодеться, пока остальные устроились на диване в гостиной. Чарли первым делом скинул обувь, девушки сочли забавным вид его пальцев ног, торчавших из рваных носков. Вернулся Майкл, переодетый в джинсовые шорты и чистую футболку и устроился рядом с Вики, сочтя ее колени наилучшей опорой, опускаясь на подушки дивана. Чарли встал и распахнул ящик тумбочки ударом ноги, там он хранил шкатулку в виде пиратского сундучка. Внутри было немного

травки и папиросная бумага. Чарли сделал несколько самокруток, пока остальные болтали о вечеринке. Майкл включил проигрыватель и вышел на кухню, за шампанским, а девушки занялись подбором музыки, подходящей под настроение. Под звон бокалов с шампанским косяк отправился по кругу, воздержалась лишь Вики, которая не курила. Болтовня приутихла и сменилась умиротворяющей тишиной, нарушаемой лишь, время от времени, залившимся смехом Чарли. Игла проигрывателя соскользнула назад, музыка затихла. Чарли взял Шарлин за руку и оторвал от дивана: – Да ребятки, вот это денек!

Чарли притушил свет и включил светомузыку, мысленно поблагодарив Майкла за то, что тот соорудил эту модную штуку. Лампа в форме шара, обрамленная зеркальными осколками, вращающаяся на оси старого проигрывателя, отбрасывая отраженный свет на стены и потолок, давала иллюзию мерцания. Майкл включил радио, в эфире звучал хит «Пламенная Любовь». Хриплый голос диск-жокея завораживал, они сидели в обнимку, вслушиваясь в слова песни:

«Любовь горит во мне
Слова что я хочу сказать
Пропитаны огнем
И как вулкан
Я чувствую тот жар
Что рвется сквозь меня
Выплескивая пламя
И этот луч огня
Что жжет мне сердце в такт
Любви словам
Пламенная Любовь
Ты чувствуешь тепло
Слияния любви с огнем»

Нежно лаская его, Вики чувствовала его запах и жадно вдыхала его, каждый трепетный ее вздох, выдавал страсть, что пронизывала все ее тело. Майкл прильнул к ее губам, и они поцеловались. Атмосфера неги нарастала, подогревая их чувства.

«Ты ярким огоньком
Танцуешь в моем сердце
Во время полуночного шторма
Ты в ожидании чтоб взмыть под парусами огненного ветра
Озаряешь небеса
С присущим тебе рьяным жаром
Ты словно обжигаеть небеса
Словами нежными любви
Пламенной любви»

Она чувствовала, как его руки ласкали ее бедра под платьем и ощущала жар внизу живота. Она крепко сжимала его в объятьях, чувствуя крепкие мышцы под футболкой.

«Когда сольемся воедино
Тела почувствуют тепло
Исполненная страстью кровь
Наполнит мои вены
И словно пламенной звездой

Я мчу сквозь жаркие поля
К замечательному миру
Испепеляющего ада и огня
Вскипает даже воздух
Пропитанный словами любви
Пламенной любви»

Притянув ее к себе, он повернулся так, чтобы она лежала сверху, спустя мгновение, ее платье соскользнуло вниз, обнажая шелковистую кожу. Майкл прильнул к ней ближе. Он словно чувствовал божественный огонь под пальцами. В игривых перекатах они теряли одежду. Эмоции и страсть слились воедино. Все ее тело дрожало от волнения. Внезапно она почувствовала острую боль. Ей стоило закусить губу, чтобы не закричать, но боль ушла так же быстро, когда она почувствовала Майкла глубоко внутри. Влажный трепет между ног, и странное ощущение, когда Майкл двигал бедрами, дали ей прочувствовать тот миг, когда она впервые восприняла себя как женщина. Она будто вновь обрела вторую свою отсутствующую часть. Она подстроилась под такт его движений, ее руки впились в его спину, почти царапая кожу.

«Когда тела подобны глади огненного моря
Я поведу корабль по волнам
Доставлю в безопасный порт
Оставив груз на берегу»

Они продолжали двигаться, пока их чувства не достигли пика, и вспыхнули взрывом тысячи звезд, оставив Вики обессиленной под ним.

«И словно море после шторма
На моем плече твои растрепанные волосы
Ты шепчешь нежно мне
Слова любви
Пламенной любви»

Они лежали опустошенные, прижимаясь друг к другу. Когда Майкл сел, он заметил кровь. Он прижал ее к себе, баюкая ее голову в своих руках, подбирая слова, чтобы описать его чувства, но не нашел оных, прекрасно понимая, что она в тот момент испытывала.

Вики была в смятении, терзаясь размышлениями о недавних моментах. Слезы стояли у нее в глазах, а в горле пересохло, и было сложно сглотнуть. По телу скользила дрожь. Она расплакалась. Она пыталась встать, но ноги ее не слушались, Майкл заботливо вытер кровь между ног ее трусиками. Он встал на колени перед ней и прижал голову к ее животу, чувствуя, как слезы капаят ему на спину.

– Почему ты не сказала?

Вики все еще тряслась и рыдала, и решительно не могла дать ответа. Майкл медленно поднялся с коленей, покрывая ее кожу, губы, все тело поцелуями, чувствуя на языке ее соленые слезы. Они нежно поцеловались, почувствовав очередную волну страсти. Майкл поднял ее на руки и отнес в свою комнату, распахнув дверь ударом ноги и уложил на кровать со всей присущей нежностью. Он лег рядом, она тут же заключила его в крепкие объятия. Отраженья блеклых огней гуляли по матовой поверхности двери, озаряя всплеск их страсти, когда они занялись любовью во второй раз.

«И именно тогда

Как море в предвкушение шторма
Ты борешься с огнем огнем
И льнет к моей твоя пылающая кожа
Я ошущаю мощь вулкана что бурлит под ней
И он сжигает все нутро мое
Жар наших тел
Словно масла в огонь подливает
Возносит нас выше и выше
Желанием нас обжигает
И словно торнадо из ада
Возносит нас до небес
Ты взяла меня в плен безоружным
Увлекла как за собой далеко
Сквозь вихрь огня
И с огненным жаром
Я чувствую кровь
Что бурлит в моих венах
Вознося меня выше и выше
И я сам плаю от жара
И словно пламенной звездой
Я мчу сквозь жаркие поля
К замечательному миру
Испепеляющего ада и огня
Я пробиваю высь небес
Оставив луч серебряной иглы
И возвращусь назад, – дитя огня»

Внешний мир с его проблемами, казалось, остались за стенами спальни. На свете были лишь они вдвоем, счастливые в их собственном мирке. Пока они лежали, обнявшись в своем коконе любви, Майкл шептал ей: – Я никогда не оставлю тебя, Вики, даже после смерти; даже тогда, без тебя я не смогу больше и дня прожить. Я люблю тебя, моя бабочка.

Они баюкали друг друга словами обещаний, сливаясь в поцелуях, скрепляя свою любовь клятвой, клятвой бабочки. Поскольку бабочка живет лишь сутки, они решили больше никогда не расставаться дольше чем на этот срок, даже в смерти. Прижавшись друг к другу, они ошущали редкое умиротворение, которое плавно погрузило их в сон.

Вскоре Майкл проснулся. Было пять утра, в течение нескольких мгновений он просто стоял и любовался ее телом, потом он бережно принес ее одежду из гостиной и тихо разбудил ее, нужно было возвращаться во Флэтбуш, как они и обещали. Вместе они приняли душ и оделись. Они юркнули по гостиной как можно тише, чтобы не будить Чарли и Шарлин, которые еще спали, голые они распростерлись на кровати, забыв даже прикрыть дверь спальни. Майкл закрыл дверь без шума, и они прошмыгнули вниз к авто.

Утро уже занялось. Птицы принялись щебетать, дорога была все еще влажной от утренней росы, когда они проезжали по безлюдным улицам все еще спящего города. Единственными свидетельствами того, что город был обитаем, служили фургончики коммунальных служб тут и там, и постовые полицейские, ожидавшие утреннего часа пик.

Они подъехали к дому тетушки Марии приблизительно без четверти шесть. Майкл проводил Вики до двери, на пороге они страстно поцеловались.

«– Я позвоню тебе позже, когда встану», – сказал он.

Вики наблюдала, что он спустился вниз, и послала ему воздушный поцелуй, прежде чем она тихо открыл дверь. Когда Майкл возвратился домой, он навел порядок в гостиной, положил запачканные кровью трусики Вики в корзину для белья. Затем он вернулся в кровать и погрузился в глубокий сон.

Его разбудил телефонный звонок в три часа дня. Это была его мать. Майкл потряс головой, пытаясь проснуться и слушал ее нежный голос.

– Майкл, как ты, мой дорогой? Я звоню напомнить про ужин. Ты знаешь, отец не любит ждать.

Майкл был так захвачен своим страстным романом, что совсем забыл, родители в выходные ждали его дома. Он упорно отстаивал свое право съехать на съемную квартиру на Трибека и, самой собой, пошел на уступки, чтобы задобрить маму, собственно, ее требованием было, чтобы выходные Майкл проводил дома. Его мать пока не видела в нем взрослого мужчину. Однако в выходные он мог видеть Адама, старшего брата, который вскоре собирался закончить Университет.

– Ну, мам... Могу я приехать потом. Я встречаюсь с прекрасной девушкой. Надеюсь, ты не злишься? Я обещаю заехать в другой раз.

На другом конце трубки случилась заминка.

– Но ведь твой брат Адам приезжает в эти выходные. Вы же давно не виделись. Почему бы вам не приехать завтра на обед с Чарли? Это было бы здорово. Можешь пригласить свою подружку, если хочешь.

– Спасибо, мама. Можно, Чарли придет со своей девушкой? Она милая, вам стоит познакомиться.

Его мать засмеялась. – Без проблем, сынок. Но скажи Чарли, чтобы не брал с собой ту ужасную музыкальную шкатулку, как в прошлый раз. Из-за него, отца целую неделю мучила головная боль!

Майкл пообещал и, попрощавшись, повесил трубку. Он поднялся и направился в гостиную. Шарлин на кухне варила кофе. Она надела одну из рубашек Чарли.

«– Доброе утро, звездочка», – сказал Майкл, протерев сонные глаза.

– Привет, Майкл, уже три часа дня. Вики проснулась?

Майкл покачал головой. – Я отвел ее домой этим утром. Ты же знаешь ее тетю. А что, Чарли все еще в постели?

Шарлин лукаво хихикала: – Ну, я думаю, что он сильно утомился. Он все еще спит. Кофе?

Майкл направился в ванную, по пути дав Шарлин указания: – один сахар и без молока, пожалуйста. Большое спасибо!

Майкл наполнил раковину прохладной водой и погрузил туда лицо, это его очень взбудило. Затем он почистил зубы и занялся расчесыванием волос, когда лицо Чарли появилось в дверном проеме.

– Мужик, доброе утро! – Это счастливое приветствие сопровождалось гулким ударом по спине Майкла. – Спасибо, приятель, что устроил мое знакомство с Шарлин. Я твой должник! Знаешь, она просто невероятная!

Майкл закончил расчесывать волосы и сказал, не поворачивая головы, лицом к зеркалу:

– Ну, я тут ни причем, скажи спасибо Вики. Это ее заслуга.

– Ясно, я не забуду поблагодарить в ее следующий раз, когда увижу.

Когда Майкл удалился, Чарли подошел к раковине и повторил почти такой же ритуал, как Майкл.

– Можешь поблагодарить ее завтра, если ты свободен. Мои предки пригласили нас на обед, всех, включая Шарлин.

Майкл посмотрел на физиономию Чарли, который умывался с мылом, не зная, что делать, смеяться или плакать. Чарли выглядел совсем помятым. Огромные мешки под глазами,

а кожа сморщилась так, будто он попал под грузовой поезд. Хотя, тот теперь прыгал в восхищении.

– Ничего себе! Отлично!

Майкл направился на кухню. Он схватил кружку с кофе, которую Шарлин приготовила для него, уселся за стол, запахнув полы халата. Шарлин уже пила свой кофе. Он взял телефонную трубку и набрал номер Вики, надеясь, что ответит именно она.

– Привет, моя любимая бабочка, надеюсь, тебе хорошо спалось?

– Привет, сладкий... да, хорошо. Я ждала, когда ты позвонишь... Я уже скучаю. – Голос Вики был нежным и милым.

– Я тоже... Я приеду через час. Хорошо?

– Час? Это слишком долго! – смешливо произнесла Вики.

– Ладно, послушай, как насчет пикника? Мы с Чарли что-нибудь такое придумаем.

Майкл чувствовал себя намного лучше теперь, когда он слышал голос своей возлюбленной. Он подошел к окну полюбоваться на реку Гудзон, залитую солнечным светом. Вошел Чарли, в своих потрепанных кроссовках, другая пара обуви служила ему исключительно для особых случаев. Он швырнул пустую кофейную кружку в раковину. Шарлин подошла к нему сзади, обхватив его за талию руками.

– Детка, Майкл хочет пойти с Вики на пикник.

Чарли обернулся, чтобы поцеловать Шарлин. – А ты бы не хотела перекусить на природе, моя маленькая принцесса?

– Я подумал, мы могли бы пойти все вместе, – предложил Майкл, оторвавшись от окна, – сегодня такой прекрасный день.

Поскольку все поддержали его затею, Шарлин ушла, чтобы подготовиться к пикнику, который должен был укрепить дружбу этих четырех ребят. Парни наполнили огромную корзину разнообразной снедью и вином, чтобы удовлетворить юные аппетиты, и когда все были готовы, они покинули квартиру, и улица встретила их ярким солнечным светом.

Глава 4

В особняке Шульцев

Они заехали за Вики и направились к Центральному парку. Было около четырех. Стояла теплая погода, и в парке было не протолкнуться. Орды байкеров оккупировали газоны, но большинство людей приехало понежиться под лучами вечернего солнца, устроившись у озера, прихватив еду для пикника.

Отыскав подходящее место, они расстелили скатерть, и Вики принялась накрывать на импровизированный стол, доставая из корзины еду. Майкл откупорил бутылку вина, и они сидели под лучами солнца, наблюдая за группой парней, играющих в бейсбол.

Когда они закончили с едой, Шарлин и Чарли решили прогуляться по парку и раздобыть мороженого, чтобы освежиться. Было еще довольно жарко. Вики и Майкл растянулись на траве, нежно целуясь и обнимаясь. Не обращая внимания на внешний мир, они лишь смотрели в глаза друг другу. Да и кому до них было дело? Летом парк заполнен влюбленными парочками. Они флиртовали и дарили друг другу ласки, не обращая ни на кого внимания, уходя с головой в омут своих чувств.

Когда солнце начало клониться к горизонту, люди стали неспешно расходиться по домам. Полицейский прошел мимо и посоветовал им покинуть парк, после наступления темноты здесь было совсем небезопасно. Майкл поблагодарил его за беспокойство и уверил, что вскоре они отправятся домой. Вики собрала остатки их трапезы в упаковочную бумагу и отправила в соседний мусорный ящик, когда Чарли и Шарлин наконец возвратились с рожками тающего мороженого. Пока те наслаждались прохладным десертом, Вики почувствовала, как волнение гложет ее, на следующий день ей предстоит встреча с родителями Майкла. Однако после того, как Майкл сказал ей, что с ними поедут Чарли и Шарлин, тревога понемногу улетучилась. В конце концов, это же не светский прием.

По пути домой, Майкл предложил заскочить к Смитти, за кофе. Но Вики отказалась. Она устала, а тетушка Мария чувствовала себя не очень хорошо. Она волновалась за нее. Майкл понимал ее тревогу. Он также волновался за тетушку и попросил Чарли доставить Вики до дома. Чарли кивнул, и с маршрутом все было определено. Они ехали спокойно, не торопясь, теплый день в парке разморил их. Вики прижалась к Майклу, ощущая тепло его тела, и шептала: – Майкл, спасибо. Это был замечательный день. Я прекрасно провела время.

– Я тоже прекрасно провел время, Вики, – сказал Майкл, сжав ее руку: – завтра ты увидишь моих родителей. Не волнуйся, все будет в порядке. Меня больше волнует здоровье тетушки, чем завтрашний визит, если быть до конца честным.

«– Знаешь, Майкл, ей нездоровится уже нескольких месяцев», – сказала Вики с тяжелым вздохом.

Он нежно поцеловал ее. – Я позвоню утром.

Чарли неспешно остановил авто. Майкл попросил высадить его возле их лофта. Хотел дать двум влюбленным голубкам поворковать наедине.

– Пожалуй, вы и без меня попьете кофе, где трое, там, как известно, один лишний.

Но у Шарлин была другая идея. – Лучше подбросьте меня до дома, чтобы я могла переодеться и привести себя в порядок.

Теперь была очередь Чарли сделать предложение, подмигнув Майклу в зеркало заднего вида. – Может, ты просто захватишь смену одежды, а примешь душ и переоденешься у нас?

– Почему нет, договорились! – согласилась Шарлин, с присущей ей легкостью. Они доездили Шарлин до дома, и она поспешила внутрь. Долго ждать себя она не заставила.

В лофте Майкл прямиком отправился в свою комнату. Он хотел остаться наедине со своими мыслями. Лежа на кровати, он слышал, как Чарли и Шарлин хихикали в душе, сам он,

в этот момент, мог думать лишь о Вики. И ни о ком другом. Как только они расстались, он почувствовал, что уже тоскует по ней. Он ощущал трепетную любовь и живо представлял их живущими в собственном доме, растяжими детей, как две капли похожих на нее.

Он провел следующие два часа в мечтах о семейной идиллии и около десяти, страстно захотел позвонить Вики, но воздержался, боясь потревожить тетушку Марию. В конечном счете, он решил убраться в своей комнате. Он начал собирать свое грязное белье, когда заметил трусики Вики наверху корзины. Не раздумывая, он бросил мешок с бельем и взял трусики, затем отыскал в ящике ножницы, хранившиеся в коробочке с разноцветными нитками и иглами. Первым делом он вырезал запятнанный кровью участок, а затем достал из-под кровати сумку, где отыскал лоскут джинсовой ткани. Сложив лоскут вдвое, Майкл придал ему форму маленькой бабочки и принялся сшивать края, используя синюю нить. Он медленно водил иглой по ранту и поправлял силуэт ножницами, не зашив до конца, Майкл с трепетом спрятал свернутый кусочек запятнанной кровью ткани в образовавшийся кармашек. Затем он сделал еще несколько стежков, и получилась бабочка. Ему хотелось сохранить ее на всю жизнь, как память об их первой ночи. Для Майкла это много значило, ведь он был первым мужчиной в жизни Вики. Он снова порыскал в сумке и нашел там шнурок, затем проделал два отверстия в кончике каждого крыла. Связав два конца шнурка, он получил кулон. Майкл снова вспомнил о событиях прошлой ночи. Он нежно поцеловал бабочку и положил под подушку. А закончив уборку, лег в кровать. Больше всего на свете он хотел, чтобы Вики снилась ему всю ночь.

Утром его разбудил стук в дверь. Это была Шарлин. – Майкл, пора вставать! Твой кофе стынет!

Он сел на постели, потряс головой, чтобы окончательно проснуться. Кулон-бабочка, что он сделал вечером, был крепко зажат в его кулаке. Он спрятал его обратно под подушку, оделся и направился в душ.

Кофе был все еще горячим, когда он пришел в кухню. Чарли стоял у стола в трусах, растирая лицо руками.

– Доброе утро, Чарли! Как спалось?

Чарли кивнул, смачно зевнув. Шарлин обняла его сзади положив руки на плечи, игриво покусывая его ухо и предложила принять горячий душ; посему, они оставили Майкла на кухне и направились в ванную комнату. Майкла не оставляло желание позвонить Вики, он набрал ее номер, трубку сняла тетя Мария.

– Доброе утро, тетушка. Надеюсь, сегодня Вы чувствуете себя лучше?

Голос ее звучал привычно, когда она ответила, – да, Майкл, немного лучше. Не стоит вечно беспокоиться о старушке вроде меня. Годы берут свое, сам знаешь. Ты хотел поговорить с Вики? Сейчас она в ванной.

Ничего страшного, – ответил он. – Вы не могли бы передать ей, что я звонил?

– Конечно, – уверила его тетушка, затем попрощалась и повесила трубку.

Двадцать минут спустя телефон зазвонил. – Привет, любимая, я скучал по тебе.

– И я скучала, – ответила она. – Когда ты приедешь?

Мягкий голос, с легким акцентом пуэрториканки, Майклу будто грезился раньше, в мечтах. – Мы заедем где-то через час, и не волнуйся, в доме моих родителей не кусаются. Мы же не людоеды какие-то...

Она засмеялась, вспомнив, как произнесла ту же фразу, когда он впервые пришел в жилище тети Марии.

– Хорошо, Майкл, я жду вас.

Майкл вернулся в свою комнату, чтобы одеться. Чарли и Шарлин освободили ванную к тому времени. Он оделся под звуки их хихиканья, исходящего из комнаты Чарли, и, когда был полностью собран, достал бабочку из-под подушки. Он спрятал ее во внутренний карман своей куртки и постучал в дверь Чарли, напомнить, что пришло время выезжать.

На пути в Бруклин они остановились, Майкл решил купить букет красных роз для тетушки и один единственный цветок для его любимой. Чарли сидел спереди, нервно дымя сигаретой в ожидании.

Наконец они подъехали к дому Вики. Майкл помчался вверх по лестнице. Дверь была открыта, Вики ждала его с сияющей улыбкой, тетушка Мария стояла у нее за спиной. Майкл оставил на щеке Вики поцелуй, исполненный страсти и нежности, и протянул ей розу, а затем вручил букет тетушке Марии, лицо которой засияло от радости. Он пристально посмотрел на Вики. Она выглядела такой нежной в голубом летнем платье. Он обнял ее, пожелал тетушке удачи и увлек Вики за собой, держа за руку, их пальцы скрестились особым образом, как уже было не раз.

Они продолжили путь в отличном настроении, чему так же способствовали свободные дороги воскресного Нью-Йорка. Чарли был за рулем, девушки любовались объятм солнцем городским пейзажем. Шарлин очень занимала поездка до Лонг-Айленда, а вот Вики скорее волновалась, хотя и ждала с нетерпением встречи с родителями Майкла.

Районы сменяли друг друга, и чем ближе они подъезжали к Хэмптону, тем сильнее менялся пейзаж, этажность домов шла на убыль пропорционально социальному статусу жителей. В Лонг-Айленде дороги были широкими, а здания массивными; жилые дома сменялись особняками и пристанями для яхт. Здесь жили состоятельные люди, предпочитающие богатство и роскошь. Вики это сразу бросилось в глаза. Пока Чарли проезжал вдоль частных домов, она всматривалась в каждый дюйм аккуратно постриженных газонов, а сама все больше нервничала, а Шарлин, тем временем, лишь отпускала восторженные комментарии.

Наконец они добрались до цели.

Майкл нажал кнопку на брелоке, и ворота открылись. Когда они проезжали по гравийной дороге, достаточно широкой, чтобы могли разъехаться три автомобиля, ворота закрылись автоматически. Шарлин с восхищением смотрела на ряды японских карликовых деревьев, окаймляющих подъездную дорогу.

– Вы только взгляните! Ничего себе! Потрясающе!

Чита Шульцев стала состоятельной, но Нина Шульц осталась очень скромным человеком, не забывая былые трудные времена, что было хорошо заметно по ее манере искрометно шутить. Теперь, когда у нее были деньги и положение, два замечательных сына и любящий муж, о большем она и мечтать не желала. Как только они переехали в свой роскошный особняк, она наняла лучшего дизайнера, так их двор приобрел японский антураж. Изящная японская беседка стояла посреди водоема. Арочный деревянный мостик соединял дом с небольшим пирсом и двумя каноэ, пришвартованными в непосредственной близости. Вики была заворожена такой красотой. За следующим поворотом подъездной дороги показался дом.

Габариты дома, прямо скажем, сокрушили Вики. Это было типичное колониальное здание с греческим портиком и огромными колоннами. Перед входом были установлены красивые статуи, произведения талантливого художника. Лестничный пролет, ведущий к портику и парадной двери, обрамляли массивные перилла, увенчанные большими каменными вазами и маленькими купидонами. Чарли проехал дальше, на стоянку, где красовался белый Роллс-ройс Шульцев. Шарлин сначала потеряла дар речи, уставившись остекленевшими глазами на Ройс через окно. Майкл вышел из авто и подал Вики руку.

Шарлин визжала от восторга: – Просто шикарно, разве нет?!

Майкл лишь улыбнулся, – Да, это отцовский. Ну, Вики, что скажешь о семейном гнездышке?

Вики обернулась и крепко обняла его, как-то произвольно. – Майкл, это просто прекрасно! Слов не подберешь. Я просто сокрушена, – потом она чуть слышно добавила, – мне кажется, я уже хочу домой.

Майкл отстранил девушку, его сильные руки нежно держали ее плечи. Смотря ей в глаза, он мягко произнес, а губы его сложились в улыбку.

– Не бойся, глупышка. Мы встретимся с моими родичами, пообедаем, и через несколько часов уедем. Заходи и не робей, все будет в порядке. Вот увидишь!

Внезапно к Майклу подбежали два бульдога и принялись лизать его руки. – Привет, парни, привет! Это Бутончик и Дэйл, мои сынишки!

Шарлин расхохоталась, услышав клички собак, в то время как парадная дверь отворилась, и наверху мраморной лестницы появился молодой человек. Это был Адам. Он был выше Майкла, хотя сложен был не столь хорошо.

Шарлин представила себя сидящей в огромной серебряной ванне, увешанную драгоценностями. Четыре слуги наполняли ванну шампанским, а она завтракала, как всегда: икра и канапе из яиц с копченым лососем. Две борзые играли в шахматы около ванны. А что тут такого? Разве она жила не в Верхнем Вест-Сайде? Чарли первым заметил Адама и шепнул Майклу: – Ну что, болван, пора начинать шоу!

Они поднимались по лестнице, Адам спускался им навстречу с лучезарной, словно солнце Флориды, улыбкой. Его длинные каштановые волосы были стянуты в конский хвост, все же на хиппи он не походил. В его изящной белой куртке сафари и брендовой дизайнерской тенниске, и круглых солнцезащитных очках в золотой оправе, он напоминал зажиточного обитателя пригорода Орландо, сибаритствующего в особняке стиля ар-деко, а не хиппи, ошивающегося в Парке Вашингтона. Братья обнялись, и Адам воскликнул:

– Эй, братишка, рад тебя видеть! Вижу, ты в отличной форме!

Он снял очки и обратился к девушкам.

– А кто эти две прекрасные жемчужинки, которых вы привезли с собой?

Майкл представил сначала Шарлин, а потом Вики.

– Адам, познакомьтесь, это Вики, моя девушка, – он экспрессивно жестикулировал, обращаясь к девушкам, – мой старший брат, Адам. Этот парень намерен стать самым известным адвокатом Манхэттена, и станет, вот увидите!

Не успел Адам и покраснеть, как Чарли залился гулким хохотом, хлопнув Майкла по плечу, как он обычно делал.

– Эй, а как же я? Я ведь одушевленный предмет, как-никак.

Теперь, когда формальности можно было опустить, они все последовали за Адамом к патио. Вики чувствовала себя столь незначительной на фоне высоченных мраморных колонн, устремленных ввысь, будто исчезающих в небе. Оглянувшись назад на обширный газон, она заметила водоем. С возвышения двор казался еще прекраснее. Ее умилила небольшая стая уток, рассекающая водную гладь прудика.

– Чарли, сколько лет, сколько зим, как ты поживаешь? – спросил Адам, когда они вошли в дом, минуя огромные двери из красного дерева.

– Все круто, приятель. А как у тебя?

– Все как обычно, – ответил Адам.

«– Да будет тебе, Адам», – сказал Чарли. – Ты получишь диплом через месяц, Майкл сказал, у тебя грандиозные планы. Будешь большим человеком, это точно!

Адам обратился к девушкам.

– Парни, девочки здесь прежде не были, вы что забыли?

Он описал рукой полукруг, словно демонстрируя обширное лобби. Это был большой холл с паркетным полом. Стены были окрашены в кремовые тона и увешаны красивыми картинами, а отделка из дерева была цвета насыщенного авокадо. Квадратный персидский ковер в оттенках бордо, пунцового красного, золотого, коричневого и зеленого, добавлял помещению уюта. Одна из дверей открылась, и в холл вошла леди, мать Майкла, застав Вики стоящей в окружении двух ее крупных сыновей, на контрасте, девушка могла показаться еще более хрупкой

и растерянной. Леди, должно быть, было около пятидесяти; ее улыбка была теплой и яркой. Она обняла своего сына, оглядела Вики, которая почувствовала себя более уверенной. Обняв маму, Майкл подвел ее к девушкам, Чарли она удостоила кивком и улыбкой. Девушек она приветствовала, протянув им руки.

– Меня зовут Пнина, но все называют меня просто Ниной. Какая сегодня чудесная погода, я попросила Лероя принести нам чего-нибудь освежающего на веранду. Надеюсь, вам понравится.

Они прошли по коридору, ведущему на веранду. Когда они подошли к лестнице, отец Майкла свесился с перил наверху.

– Привет, Майкл, приехали наконец!

Тяжелой поступью он спустился к ним. Как и Адам, Дэвид Шульц был одет в тенниску и держал ракетку в левой руке. Он был немного ниже чем Майкл, но сложены они были одинаково. У него были короткие каштановые волосы, подернутые сединой и бакенбарды. Отец заключил сына в мощные объятия, они стояли так какое-то время, похлопывая друг друга по спине.

– Привет, пап!

– Привет, сын! Рад вас видеть.

Дэвид Шульц обратился к девушкам.

– Здравствуйте и добро пожаловать! Я вижу, моя жена уже окружила вас вниманием.

Он отвел Майкла в сторону и шептал что-то ему на ухо. Майкл хмурился.

– Папа, сегодня так жарко, только не это!

Девушки думали, о чем может идти спор, а Дэвид Шульц, в это время, обратился к Чарли.

– Я уверен, Чарли будет не против. Чарли, как насчет игры?

Чарли пришлось проявить смекалку. Он знал, папаша Майкла ярый фанат спорта.

– Игра? Мой Бог, должен признаться, у меня ужасное похмелье и, кроме того, теннис это совсем не мое...

Дэвид и слушать ничего не желал. Чарли состроил умоляющее выражение, и глаза его скользнули вниз по его джинсам и кроссовкам.

– Но я не одет для...

Прежде чем Чарли успел закончить фразу, Дэвид Шульц схватил за плечи его и Майкла и приказал Адаму переодеть их и подготовить к «величайшему турниру века». Парни вздрогнули.

Адам, убедившись, что они сломлены и не сопротивляются, добавил, – отлично, папа. Мы сможем играть парами!

Приговор был вынесен. Адам, возможно, проявил себя как предатель, но у Майкла в любом случае, не было выбора. Шульц старший отправил их переодеваться.

– Я жду вас на веранде.

Он проводил девушек к веранде позади дома. Весь двор купался в солнечном свете, они все сидели за низким столом под раскидистым пляжным зонтом. Неподалеку какой-то паренек раздувал угли в барбекю. Оставив очаг ненадолго, он принялся подавать прохладительные напитки, что принес к столу на подносе. Нина представила его.

– Это Лерой. Я ума не приложу, что бы без него делала.

Вики взяла стакан с подноса, поднесла к губам и понюхала содержимое, действие это заставило Лероя улыбнуться. – Это свежавыжатый апельсиновый сок, мисс, – уверительно произнес он.

Вики представилась, – привет Лерой, меня зовут Вики. Приятно познакомиться!

После того, как Лерой снабдил всех напитками, он возвратился на прежнее место и занялся барбекю. У Вики и Нины, как оказалось, сразу же нашелся общий интерес – садоводство, завязался азартный разговор о цветах, кустах, траве, газонах и деревьях. Вики вос-

хищенно расхваливала карликовые деревья, как оказалось, Нина ухаживала за всеми растениями самостоятельно. Что до Шарлин, то ей удалось ангажировать симпатию и интерес папаши Шульца, как только разговор зашел о его Роллс-Ройсе. В глазах Дэвида Шульца вспыхивал огонек, каждый раз, когда он говорил о своем автомобиле. Лишь ураган мог заставить его прерваться в этот момент, ну, либо присутствие в непосредственной близости владельца транспортного средства подороже.

Парни вернулись полностью экипированными и повели девушек к корту. Майкл играл в паре с Адамом, а Дэвиду достался Чарли. Игра была жаркой, мужчины сражались как львы в попытках завоевать расположение и аплодисменты прекрасных зрительниц, которые должным образом поощряли их спортивные успехи. Дэвид был не столь молод и энергичен, как его сыновья, но старался поддерживать себя в хорошей форме. Он регулярно играл в теннис, победить его было совсем не просто. Держался он уверенно, движения были отточены, он был горд собой.

Глава 5

Все катится к чертям

Пришло время ланча, они уже успели проголодаться, к тому же на корте было жарко под полуденным солнцем. Майкл и Адам вели 5:4 в первом сете, но Чарли настоял на ничьей, они ушли, обливаясь потом, и направились в душевую.

Леди вернулись на веранду первыми и были поражены разнообразием поданных блюд, где превалировала греческая кухня. Был также передвижной бар, и они сели за стол в приподнятом настроении в ожидании мужчин. Лерой достал бутылку узо и опустил в ведро со льдом, когда пришел хозяин в сопровождении гостей, он начал разливать напитки. Все сели за стол, за исключением Чарли, который остался стоять, мотая головой, пытаясь высушить волосы; капли воды разлетались на приличное расстояние, пока Майкл, на потеху присутствующих, не схватил его в охапку и не усадил рядом с Шарлин. Лерой подал еду и наполнил бокалы. За столом воцарилась дружественная атмосфера. Страхи Вики развеялись, а Майкл был искренне удивлен, что его мать и Вики болтают, словно закадычные подруги. Все, казалось, обстояло лучшим образом. Для Майкла это был насыщенный событиями день. Наконец-то он представил Вики своей семье.

Когда подали десерт и кофе, Майкл и Адам незаметно ускользнули с веранды и отправились прогуляться в сад. Адам поначалу молчал. Зная своего брата, он отлично понимал, Майкл собирался сказать ему что-то важное. Когда они отошли на порядочное расстояние от дома, Майкл, наконец, спросил, что его брат думает о Вики.

Что Адам мог сказать своему брату? – Она очень милая. Мне она понравилась, но я ее совсем не знаю, – ответил Адам.

Майкл остановился, поднял с земли ветку и начал крутить ее в руке. Он пытался подобрать нужные слова, но Адам уже понимал, к чему он клонит.

– Я люблю ее, – наконец, произнес Майкл. – После того, как я получу диплом, я хочу жениться на ней.

К удивлению Майкла, Адам отреагировал довольно сухо. Он шел, по-видимому, раздумывая над словами Майкла и предвкушал, как их отец подпрыгнет до потолка, когда узнает о намерении своего сына.

– Я знаю, – согласился Майкл, хотя до сих пор и близко не задумывался, что скажет отец. Теперь он жил далеко от Лонг-Айленда, самостоятельно, и отец, казалось, не имел никакого касательства к его жизни. Но теперь, когда его родители увидели Вики, он осознал, что все не так просто. Последовавшие слова Адама прервали ход его мыслей.

– Интересно... удастся ли мне раскрыть ему наш секрет наиболее тактичным способом... это была бы занимательная юридическая практика, – предположил он.

По глазам Адама было видно, его брат отлично понимал всю суть разговора с самого начала, не было даже необходимости рассказывать ему. – Ты сразу догадался! – Адам лишь рассмеялся в ответ.

Майкл забыл, что Адам с легкостью мог прочесть его как открытую книгу, впрочем, он тоже всегда знал, что у Адама на уме. У них была своего рода телепатическая связь, и Майкл тут же припомнил несколько случаев из детства, служивших этому подтверждением. Он уже забыл, как близки они были, прежде чем каждый из них пошел по своему пути, но нахлынувшие воспоминания заставили его вначале улыбнуться, а после и вовсе залиться хохотом. Они смеялись, как маленькие дети, пока Майкл снова не стал серьезным.

– Так что делать с отцом, в таком случае? Пойми, Адам, я не оставляю ее. Я действительно влюбился.

Адам, осмотрительный как никогда, положил руку на плечо брата и отвел его чуть дальше, чтобы их наверняка никто не услышал.

– Для начала, послушай меня. Если тебя устроит то, что я предложу, папулю я беру на себя. Но зачем тебе лишние проблемы? Со временем меняются и намерения, разве нет?

Майкл кивнул.

– Для начала отметим, тебе даже двадцать один год не стукнул, есть много времени обдумать все основательно. Любовь приходит и уходит. Я пережил нечто подобное на первом курсе, в колледже. Ее звали Синди Льюис. Какая это была девушка! До сих пор у меня щемит в груди, когда я думаю о ней, я жалею, что мы все еще не вместе. Я чертовски сильно любил ее: потерял аппетит, не мог уснуть или сконцентрироваться на чем-либо. Мы были неразлучны тогда.

Адам посмотрел в глаза Майкла. – А потом, как думаешь, что произошло? «Она бросила меня без предупреждения, вот так запросто», – сказал он, щелкнув пальцами для наглядности. – Я думал, это продлится вечно, но мы были вместе лишь шесть недель, шесть незабываемых недель, затем она просто ушла. Я хотел умереть, заползти в какой-нибудь темный угол и сгинуть. Слава Богу, я был не дома.

Майкл понял. По крайней мере, попытался понять.

– И вот я здесь, все еще жив и здоров. Как видишь, я остался прежним, а эта история теперь в прошлом. Понимаешь, что я хочу сказать?

Майкл кивнул, хотя какое это имело отношение к его ситуации? Он не мог представить и на мгновение, что Вики может уйти, попрощаться и уйти, словно ничего не произошло. Такого быть не могло. То, что его брату не повезло, дело обыденное. А они могли бы пожениться после того, как он получит диплом. Торопиться некуда, волноваться не о чем, таково было его умозаключение.

«– Я люблю ее, а она любит меня», – сказал он Адаму, чувствуя, как возвратилась его уверенность. – Пройдет уйма времени, прежде чем я стану выпускником и дипломированным специалистом. Но лучше рассказать отцу и покончить с этим. Я определенно все решил, и время ничего не изменит.

Они подошли к лестнице, что вела на веранду, и Адам сдался.

– Хорошо, я сделаю все возможное, братец.

Майкл знал, что мог полагаться на своего брата, на это он и надеялся.

– Знаешь, думаю дядя Сэмюэль одобрил бы мой выбор, как считаешь?

Майкл знал подходы к Адаму, этот последний аргумент призван был окончательно склонить брата на его сторону. Коль речь зашла о дяде Сэмюэле, Адам не мог отступить.

После трапезы, атмосфера на веранде стала совсем непринужденной, гости с хозяевами увлеченно играли в карты. Майкл и Адам молча наблюдали за игрой, пока Лерой не принес мороженое. Майкл терзался одним вопросом, почему его мать не отвела его в сторону, чтобы разузнать, кем была его девушка, почему он не нашел более подходящую пассию? Она, напротив, постоянно улыбалась, это казалось ему добрым знаком. Его отца это также, казалось, вовсе не беспокоило.

Время близилось к пяти, когда гости понемногу начали собираться. Нина приготовила большую корзину еды, которую Лерой вручил ошеломленной Шарлин. На дне лежали два цыпленка, кебабы и говяжьи колбаски, приготовленные на гриле, а также упакованный греческий салат и тарамасалата, фрукты, пироги и две бутылки греческого вина. Этот подарок окончательно утвердила за Ниной статус гостеприимной и заботливой хозяйки.

Чарли торжественно заревел мотором, что заставило Бутончика убежать с дороги и прильнуть к Дэйлу.

Шарлин сидела спереди с корзиной на коленях. Майкл спросил Вики, понравились ли ей его родители. Сжав его руку, она проговорила, что ей они показались чудесными людьми, вспомнив, как они поладили с Ниной, как забвенно болтали про ее чудесный сад. Что насчет

Адама, Майкл знал, его брат всегда был готов поддержать его выбор, кем бы его любимая не была. Майкл был рад услышать, что его семья произвела на Вики приятное впечатление. Его не менее удивил тот факт, что мама приглашала Вики приезжать почаще. Это действительно был добрый знак. Он взял ее за руку и крепко поцеловал.

«Похоже, она хорошо разбирается в людях.»

Поездка назад, в Нью-Йорк, отличалась от утренней. Деликатная еда и напитки разморили и поразили их; даже Шарлин, знающую не понаслышке об изящном отдыхе и манерах пригородной элиты.

Было совсем не поздно, но для Вики день был перенасыщен событиями и эмоциями, теперь, она стремилась домой. Коль скоро до Бруклина было рукой подать, Майкл предложил не просто отвезти ее домой, а зайти к ней и угостить тетюшку Марию разносолами из подаренной корзины. Лицо Вики засияло.

– Замечательная идея! Я уверена, она будет в восторге, – чуть не прокричала она.

Тетюшка была рада видеть Вики в компании друзей. В первый раз Вики привела домой кого-то кроме Майкла. По большому счету, у нее было мало друзей, она предпочитала проводить свободное время дома с тетюшкой Марией. Вики представила Чарли и Шарлин, и они расположились в гостиной. Вики рассказала про их поездку на Лонг-Айленд, каждый из ребят добавил что-то от себя. Тетюшка Мария была рада принимать гостей, особенно таких молодых. Она словно сама помолодела, а все они были ее детьми.

После еды компания принялась играть в Монополию. Майклу фартило, он купил всю Пятую Авеню. Они отлично провели время, а поздним вечером расцеловали друг друга, попросились и отправились в Манхэттен. Шарлин настояла, чтобы Чарли, наконец, отвез ее домой, где она не появлялась вот уже три дня и полагала, что ее родители волнуются, пришлось высидеть ее у дома, проведив страстным поцелуем на прощанье. Чарли смотрел ей вслед, она помахала рукой и вошла в здание, Майкл залился неистовым смехом.

– Как видишь, я не один такой!

Ребята устроили дружескую потасовку, раскачивая авто из стороны в сторону, Майкл напомнил Чарли, что машина им еще пригодится. Вопрос наличия транспортного средства был актуален как никогда, аргумент был исчерпывающим. Они спокойно ехали вниз по Трибека. Вечерняя прохлада выманила из домов толпы народа. Прохожие в яркой одежде, наводнили городские улицы, словно это был экстравагантный показ мод. Последнюю остановку они сделали у магазина на углу и, купив пива, прибыли, наконец, домой. Пока Чарли парковал авто перед зданием, Майкл услышал телефонный звонок, предчувствуя, что это была Вики, рванул вверх по лестнице. Перепрыгнув несколько ступеней, он подлетел к двери и открыл ее. В попытках, он почти споткнулся о ковер, но удержал равновесие и схватил трубку.

– Майкл, наконец-то! Где ты пропадаешь? Я пытаюсь дозвониться уже битый час!

Это был Адам.

– Что стряслось? – спросил Майкл.

Когда вошел Чарли, Майкл дал ему знать, что позвонил Адам. Майкл почему-то сильно волновался в предвкушении следующих слов Адама. Адам начал:

– После того, как вы уехали, папа пошел вздремнуть, как всегда. Пока он спал, я рассказал маме о твоих намерениях относительно Вики. Как бы деликатен и аккуратен я ни был, маму эта новость не привела в восторг. Она признала, что Вики милая девушка, но она не предполагала, что у вас все так серьезно и, к тому же, так поспешно. К концу разговора мы пришли к определенному согласию, но она, естественно, настояла на необходимости поговорить с отцом, как только тот проснется, – Адам сделал паузу.

– Что произошло потом? – Майкл сгорал от нетерпения, Адам затягивал с ответом.

– Он вышел из себя, начал кричать на маму, обвиняя ее в том, что встала на твою сторону, оградила от него и научила не уважать его мнение. Потом он перешел к разговору о деньгах,

потраченных на твое обучение. Я пытался его успокоить, но он вскочил как ошпаренный, сел в Ройс и помчал на всех парах, мы едва не оглохли от рева двигателя. Парень, он несется к вам, и, если я не ошибаюсь, минут через двадцать будет на месте. У него будет с тобой очень серьезный разговор. Майкл, взвешивай каждое свое слово, мой тебе совет.

Воцарилось гробовое молчание.

– Майкл? Майкл, ты слышишь меня? Майкл, ответь!

«– Да, слышу», – произнес Майкл. Что он мог еще сказать?

– Послушай, Майкл, будь очень аккуратен, говори с ним спокойно. В конце концов, отец у нас всего один, запасного нет. Сейчас вам лучше смыться, прежде чем он придет; пройдет немного времени, и он успокоится.

Майкл согласился с братом и повесил трубку. Он помчался в комнату Чарли, чтобы все ему объяснить.

– Самое смешное, я еще даже не говорил об этом с Вики. Можешь представить? Она ничего пока не знает. Шевелись, надо линять, прежде чем он доберется сюда.

В этот самый момент в дверь позвонили. Чарли пошел открыть. Это был Дэвид Шульц, по одному его виду было заметно, что он вне себя от ярости. Он был похож на свирепого медведя, лицо его было бардовым, словно фаршированный помидор. А дышал он как взбешенный бык.

Чарли кротко поприветствовал его: – Привет, мистер Шульц. Понимаете... я просто хотел, – гость проследовал мимо, даже не оглянувшись.

Шульц старший зашел, захлопнув за собой дверь. Майкл повернулся к нему, не представляя, как вести себя дальше. Он никогда не видел своего отца таким прежде. Не то, чтобы выражение его лица или поведение были столь пугающими, но то, как его отец вошел, и энергетика, которую он источал, дали ему знать, с отцом определенно что-то не так. Дело в том, что он никогда не видел своего родителя в гневе. Случалось, как большинство отцов, он выходил из себя, но в этот раз он был совсем другой. Прежде чем Майкл успел собраться с мыслями, отец взорвался:

– А ну-ка, ответь мне! Что это за бред твоя мать несла о тебе и этой гое? Ты женишься на этой гое?! Ты умом тронулся? Я не позволю, чтобы твоя жизнь пошла насмарку. Ради чего? И кого?

Майкл посмотрел отцу прямо в глаза, не проронив ни слова, выражение его лица говорило в значительной степени больше, чем слова. Приключилась типичная сцена выяснения отношений между евреем-отцом и его сыном, когда мятежный сын считает нееврейскую девушку более привлекательной, чем одну из тех замечательных, умных и прекрасных еврейских принцесс, из своей общины.

– Тебе что, мало порядочных еврейских девушек, не из кого выбрать? Чем они тебя не устраивают? Ответь, сопляк! Сейчас же, – взревел он.

Майкл смог лишь растеряно ответить: – Но я люблю ее, папа.

Дэвид Шульц окончательно вышел из себя. Он ожидал услышать все что угодно, только не это.

– Любишь? – заорал он, – Да что, черт возьми, ты можешь знать о любви? Мне и Сэму пришлось покинуть родную страну, приехать сюда, подняться из грязи, и когда я женился на вашей матери, мы начали новую жизнь с нуля. Мы упорно трудились, и она всегда поддерживала меня. Пойми это, наконец! Именно так, шаг за шагом, мы вместе заработали все, что теперь имеем, вот это я называю любовью! Так или иначе, я пахал как каторжный не для того, чтобы ты связался с какой-то гоей! Как тебе такое в голову пришло? С чего ты решил, что будешь делать все, что тебе заблагорассудится? Не выйдет! Тут и говорить не о чем! Ты не женишься на этой девке, и точка! Понятно?

Дэвид Шульц произнес последние слова, шипя как змея. Теперь и Майкл начал закипать. И то, с каким пренебрежением его отец говорил о Вики, лишь подлило масла в огонь. Майкл не мог выслушивать, как оскорбляют Вики. Однако он пытался держать себя в руках.

– Папа, я уважаю тебя, зная, чего ты добился в жизни, – Майкл говорил тихо и медленно, – я тоже хочу добиться успеха. Но, тот факт, что мы любим друг друга ни ты, ни кто-либо другой не в состоянии изменить. Никогда! И мне не нравится, что ты называешь Вики гоей, она порядочная девушка. Я никогда не встречал таких девушек. У нее доброе сердце, и она чиста. Такая же иммигрантка, она упорно трудится, чтобы заработать на жизнь, точно, как вы с дядей, когда приехали в эту страну. Я знаю, она – та единственная, что мне нужна, и однажды я женюсь на ней. И ты не сможешь мне запретить и, пожалуйста, прекрати называть ее гоей.

Майкл пытался говорить, как можно более спокойным тоном, но это не помогло. Лицо его папы багровело с каждым миготом. В качестве окончательного аргумента Майкл добавил: – Папа, я лишь хочу, чтобы вы приняли ее.

Это было последней каплей. С этого момента отец начал орать так громко, что даже Чарли, который ждал на другой стороне улицы, сбежав от семейной передраги, не на шутку перепугался. По улице разносился шум, заслышав который, можно было решить, что на Трибека вспыхнули гангстерские войны.

– Никогда, слышишь меня? Гоя! Только через мой труп! Я никогда не приму ее в семью. Никогда! И не мечтай об этом! – Дэвид Шульц ударил кулаком по кухонному столу.

После припадка ярости его поведение удивительным образом изменилось. Возможно, он понял, что пришло время сменить тактику, чтобы его сын мог что-то усвоить. Он никогда прежде так себя не вел с сыном, и теперь невозможно было вести продуктивный разговор. Он попытался обыграть все более мягко и снизошел до неожиданной улыбки.

– Только подумай, отец и сын схлестнулись не на жизнь, а на смерть, и все из-за какой-то девчонки. Это безумие! Она милая, пусть так, и еще симпатичная мордашка заставила тебя потерять голову. Сын, на свете полно хорошеньких девушек.

Шульц старший нервно усмехнулся, чем в очередной раз озадачил Майкла. После криков и угроз отец перешел к другому типу аргументации.

– Я твой отец. Ты – мой сын. И это не вопрос выбора!

Майкл знал доводы своего отца, и теперь, когда он ретировался, Майкл понимал, что ситуацию это не исправит. Все становилось лишь хуже, отец перешел к сути дела и начал говорить в таком же ключе, как если бы заключал финансовую сделку. Чутье подсказывало, отец изо всех сил стремился сломить его. Именно так. Для него это была очередная расчетливая сделка, которую он заключал. Дэвид Шульц прощупывал почву, проверял, приведет ли смена стратегии к положительному результату и начал умасливание.

– Ты молод, Майкл, слишком молод и неопытен. Сам подумай. Тебе совсем рано думать о браке. Ты едва знаешь эту девушку. Или ты хочешь сказать, твоя первая девушка должна непременно стать твоей женой? Это нелепо, Майкл. Будь благоразумен. Взвесь все как следует и брось ее. Вот увидишь, сынок, твой отец лучше знает жизнь. Она наскучит тебе рано или поздно, и ты захочешь быть с другой. Твой брат, Адам, он такой же. Он помешался на какой-то вертихвостке. И что в результате? Ты хочешь того же для себя, ты что не понимаешь?

Отец подошел к Майклу, как видно, в намерении заключить его в объятия, но наперед добавил, – Она просто не та девушка, что тебе нужна.

Майкл отпрянул. Терпение его было на исходе. Разговор казался ему беспочвенным. Отец попросту принялся забрасывать его замечаниями, словно режиссер дешевого телевизионного мыльного сериала из пятидесятых. Майкл возразил:

– Папа, она именно та, что мне нужна. Я люблю ее, и собираюсь жениться после того, как получу высшее образование. Именно так, папа. Мне жаль, если ты не в состоянии этого понять. Тебе пришло время усвоить, что я больше не ребенок.

– Как ты смеешь со мной так разговаривать? Я твой отец. Что, черт побери, сотворила с тобой эта шлюха, ты потерял рассудок? Почему ты помешался на ней? Секс? Трахается лучше всех в округе? Такие девки все одинаковые. Так было и так будет!

Майкл сделал шаг вперед, смотря отцу прямо в глаза. От неистовства он побелел, все же, его голос оставался спокойным:

– Она не шлюха, и не смей называть ее так, и уж тем более не здесь, при мне, в моем доме. Уже поздно, и я прошу тебя уехать.

Его отец был ошеломлен. И это был его сын, обращавшийся с ним как со слугой, указывая на дверь. Он было открыл рот, но тут же закрыл, поскольку просто не мог ничего сказать. На мгновение Майклу показалось, что его отца хватил удар, когда лицо его приобрело пунцовый оттенок.

– Твой дом? Я плачу за него. Даже рубашка, что на тебе, принадлежит мне! Как ты посмел так со мной говорить? Я твой отец! Ты вовсе не испытываешь уважения ко мне? Я прекрасно вижу, эта мерзкая шлюшка, гори она в аду, уже успела настроить тебя против твоей семьи. Я запрещаю тебе ее видеть, завтра же ты возвращаешься домой. Ты больше здесь не живешь, уяснил? Я слишком избаловал тебя. Уму непостижимо. Многие из твоих друзей живут в лофте, как этот? Какого черта, спрашивается, я снабжаю тебя всем самым лучшим? Чтобы ты с дерьмом меня ровнял впоследствии? Я ушам своим не верю; ты, мелкий испорченный паршивец!

Слюна запенилась у его рта, что сделало его похожим на бешеную собаку. Майкл все еще прилагал все усилия, чтобы сохранить самообладание, хотя дела обстояли хуже некуда.

– Я не вернусь домой и не оставляю ее. Как ты это не понимаешь? Заставь себя это понять, папа!

Без предупреждения Дэвид Шульц ударил сына в лицо, прежде чем Майкл успел вернуться. Майкл не ожидал, что все пойдет так далеко. Он давно уже не был ни ребенком, ни подростком. Стерпеть удар от кого бы то ни было он не намеревался. Его отец поднял другую руку, но, на этот раз, Майкл предвидел удар.

Жизнь исполнена таких превратностей. Родители располагают безграничной властью над своими детьми, но иногда не осознают, что эта власть лишь временное явление, а злоупотребление ею ведет к печальным последствиям. Однажды дети станут взрослыми. Когда главным инструментом власти является грубая сила, отец узнает, что потерпел неудачу, когда выясняется, что сын сопоставим с ним по силе, или вовсе стал сильнее. И, как говорится, фишка дальше не идет.

Майкл теперь стал выше и сильнее отца, одного удара хватило бы, чтобы отправить того в нокаут. Но Майкл не хотел еще больше усугублять ситуацию. Он просто удержал руку отца в замахе. Он источал мертвенное спокойствие и с пугающим хладнокровием предупредил папу: – Прекрати сейчас же! Я уже попросил тебя уехать. Твои действия ничего не изменят. Я велел тебе убираться, потому что никому не позволю поднять на себя руку, ни на улице и, тем более, в моем доме. Я больше не ребенок, ты не будешь со мной так себя вести.

Дэвид Шульц отступил в смятении. Такого развития событий он уж никак не ожидал. Его сын был очень самоуверен, он воспитал его подобным образом. Однако он и предположить не мог, что мощь его характера когда-либо будет направлена против его самого. Он зашагал к двери. Остановившись на миг, он повернулся и угрожающе навел указательный на сына, прокричав: – Я предупреждаю тебя. Никакая пуэрториканская шлюха не отхапает кусок от моего состояния, добытого потом и кровью. Ясно?! Пусть ты пренебрег отцом, трахай эту шлюху, сколько влезет, удачи тебе в этом нелегком деле! Но я снимаю тебя с довольствия. От меня

ты не получишь ни цента. У тебя не останется ничего, ничегошеньки! Не испытывал бы ты судьбу! Завтра ты возвращаешься домой, безмозглый молокосос!

С этими словами мистер Шульц рванул к своему автомобилю и умчал прочь.

Как многие молодые евреи, которые выросли в Америке, Майкл не мог понять, почему мир должен быть разделен на лагеря – евреи и гои. Он не мог мыслить такими категориями. Он не мог взять в толк, почему между ним и девушкой, которую он любил, должна развернуться пропасть. Когда он выбежал вслед за отцом, увидел лишь как Роллс-ройс исчез за углом.

Вот так вот. Война была объявлена. Он внезапно заметил, что руки дрожат. В такой суматохе, он даже нашел в себе силы улыбнуться, встретившись глазами с Чарли.

Чарли наблюдал за семейной драмой с безопасного расстояния на улице. Теперь он мог подойти к Майклу. Майклу стало намного легче. Хорошо иметь друга, особенно когда он так нужен.

– Вот это да! Святые небеса! Там наверху развернулись военные действия, – воскликнул Чарли, совершенно растерянный. – Ты в порядке?

– Да, более или менее, – ответил Майкл. – Ты все слышал?

Чарли придавил невольно вырвавшийся смешок. – Ни только я... но и половина района...

Они поднялись наверх. Чарли приготовил немного кофе, а Майкл позвонил Адаму. Он все еще чувствовал нервозность, его брат изо всех сил старался успокоить его, убеждая, что рано или поздно все наладится. С присущей ему дипломатичностью он пообещал говорить с их отцом сразу, как тот приедет. Майкл поблагодарил его и повесил трубку. Но лучше ему не стало.

Ночью он не смог уснуть. Он любил Вики и не мог заставить себя переступить через свои чувства, из-за расовых или семейных предрассудков. Если подумать, отец отреагировал бы не лучше, случись Майклу привести в дом девушку из четы Рокфеллеров. Похоже, единственное, что его интересовало, так это национальный вопрос. Точка! Дэвид Шульц опасался не только по поводу Майкла, его пугала перспектива, что Адам мог последовать примеру брата в будущем, а это могло прервать чистоту их еврейского рода. Действительно, возможность стать американским гражданином предполагала необходимость отступить от множества принципов, но отступить от еврейского наследия Дэвид был определенно не готов. Он бы никогда не променял возможность оставаться евреем и уважать историю своей семьи на американскую мечту.

Майкла разбудили яркие лучи утреннего солнца, затопившие светом всю спальню. Чертыхаясь, он вскочил с кровати в поисках своей одежды. Взглянув на часы, он понял, что они опоздали. Он был просто разбит, не зная точно, было ли тому виной спиртное, что они выпили накануне или тот факт, что он не спал в течение большей части ночи. Как бы там ни было, это утро явно не претендовало на звание самого великолепного в его жизни. На самом деле, он был просто вне себя от злости. Именно так. Он забыл завести будильник накануне, а теперь, нужно было лететь стрелглав, а он еще не успел толком прийти в себя. Он помчался в ванную, по пути не преминув стукнуть по двери Чарли, будто высвобождая накопившуюся ярость.

– Чарли, шевелись. Подъем! Уже десятый час!

Не дожидаясь ответа, он влетел в ванную и встал под горячий душ, оказавший маломальский положительный эффект на его настроение. Чарли ввалился в ванную, как только Майкл вышел, судорожно пытаясь причесаться расставленными пальцами.

– Эй, что стряслось? – спросил Чарли.

– Я забыл поставить будильник, мы в полной заднице. Мы опаздываем, – выпалил Майкл.

Чарли взвыл: – Белая Ведьма! Черт побери!

Белая Ведьма была притчей во языцех и главным объектом шуток всего Юридического факультета. Людям свойственно, так или иначе, высмеивать тех, кого они боятся больше всего, потому что непочтительность выступает своеобразной компенсацией за подчинение и раболе-

ние. Ведьма была их куратором и могла являть собой воплощение лучшего или худшего преподавателя, в зависимости от ее настроения.

Они моментально оделись и рванули вниз по лестнице. Майкл был взвинчен как никогда, он обещал заехать к Вики этим утром, но теперь это было невозможно. Придется ждать окончания лекции. Чарли запрыгнул на место водителя, автомобиль взвыл и помчался, оставляя за собой полосы шин и хвост густого дыма. Им потребовалось менее пятнадцати минут, чтобы добраться до Университета, припарковать авто и помчаться по пустым коридорам на лекцию. Когда они на цыпочках пытались пробраться на свои места, лектор прервался и молча ожидал, пока они усядутся.

К ее чести, Белая Ведьма, женщина под пятьдесят, все еще изящная и привлекательная, обладала блестящим юридическим складом ума. Она была действительно отличным лектором, принимая во внимание, сколько ее бывших студентов позже стали выдающимися и успешными адвокатами и юристами. Эту женщину по праву считали величайшим экспертом и знатоком уголовного права. Поэтому Декан настоял, чтобы она читала лекции каждому новому первому курсу, это было гарантом того, что они вынесут с занятий достойный багаж знаний.

Белая Ведьма была ориентиром в коллегии адвокатов. Ее близкие друзья, преимущественно адвокаты и художники, считали ее одновременно милой женщиной, обладательницей искрометного чувства юмора, никогда не теряющей самообладания и светской львицей, не знающей усталости, способной опустошить целую бутылку виски, глазом не моргнув. К тому же, она была экстраординарным дипломатом, никогда не демонстрировавшим нервозность или гнев. Но близкие друзья отлично знали, случись кому-то оскорбить или задеть ее, она была в состоянии постоять за себя, используя выражения покрепче заправского дальнбойщика. Она никогда не была замужем и не имела намерений заключить брак, но все бывшие возлюбленные имели обыкновение звонить ей два раза в год, на Рождество и в День святого Валентина.

Однако для ее студентов, она была Белой Ведьмой – стареющей женщиной, с ужасным характером и всеми мерзкими атрибутами и склонностями старой девы. Даже хуже, незамужней преподавательницей среднего пошиба. Она будто нарочно пыталась выглядеть непривлекательно – седые волосы, стянутые на затылке в бараночку и круглые очки, не говоря уже про рот. Казалось она сжимала губы в постоянной готовности тебя укусить. Ее студенты не понимали ее консервативные пристрастия в одежде, а тем более, ее иронические комментарии. Насколько было известно, все ее шутки сводились к подтруниванию над ее безответными студентами.

Глава 6

Отчуждение

Белая Ведьма ждала.

– Доброе утро, юный Чарльз! Вы хорошо позавтракали? – спросила она, слова эти заставили Чарли вздрогнуть, будто от удара кнута. – Соболезную, Чарли. Я слышала, ваш будильник безвременно почил вчера вечером. Жаль! Держу пари, вы в глубоком трауре.

Она выставила Чарли посмешищем перед сокурсниками, и он испытал жгучее желание вцепиться в нее. Бедный Чарли уже окунулся в омут отчаяния, но Ведьма, похоже, еще не закончила.

– Что касается вас, Майкл, вы, как посмотрю, точная копия своего дяди Сэмюэля. Он всегда опаздывал на занятия, но он с легкостью нагонял пропущенное. Мы учились вместе, как вы знаете. Но, в отличие от вас, он опаздывал, потому что вынужден был много работать, чтобы оплатить свое обучение.

Ее ухмылка сделала Майкла совершенно растерянным. Он тихо сел, и лекция продолжилась.

– А теперь, мы будем говорить о таких понятиях, как отягощающие и смягчающие обстоятельства при рассмотрении дела. Применяя перекрестный допрос, суд, при вынесении приговора, первостепенным считает результаты действий преднамеренных, нежели непреднамеренных. В случае совершения убийства, однако, непреднамеренные действия рассматриваются в другом аспекте.

Майкл, казалось, мог заметить, будто головы студентов на первом ряду вскипали от перенапряжения, и пар струился у них из ушей. Сегодня, впрочем, ему и без того было над чем поразмыслить, скажем, об этнической дискриминации, злоупотреблении родительской властью, праве на самоопределение, свободе при выборе полового партнера и первой поправке. Из этих тем проистекало множество запутанных пунктов Гражданского права, однако не все подпадало под программу курса по Уголовному праву. Постепенно образ отца, стоящий перед глазами, вышел на первый план, словно превратив Белую Ведьму в расплывчатый мираж, оставив лишь силуэт. На смену удручающей перспективе быть замученным тиранией его отца, постепенно пришло чувство облегчения. Буря утихла. Жизнь продолжалась в более-менее мирном ключе.

В глубине души Майкл надеялся, что отец успокоится и рассмотрит ситуацию с другого ракурса, как только Адам поговорит с ним. В вопросах убеждения и уговоров его брату не было равных. Размышляя об этом, Майкл уповал на лучшее, лекция пролетела быстро. Когда настало время двенадцатичасового перерыва, он выбежал из здания университета и направился в магазинчик папы Лоренсо. У кассы он заметил Папу и Шарлин, озадачившись, почему Вики не было на месте. Войдя в магазин, он одарил присутствующих лучезарной улыбкой, но Папа Лоренсо, направившись ему навстречу, лишь сердито взглянул на него.

– Я больше не желаю видеть тебя в моем магазине.

Майкл был сбит с толку. Папа Лоренсо тряс пальцем прямо перед его носом, почти столь же яростно, как отец, прошлым вечером. Что могло случиться?

– Держись от нее подальше. Ваше семейство уже причинило ей массу проблем. Слушай, она хорошая девушка, и мне отвратительно видеть, как ты с ней обошелся. А теперь – прочь. Оставь ее в покое.

Папа Лоренсо начал выталкивать его из своего магазина, Майкл не мог больше выносить этого.

– Где она? Что произошло? Пожалуйста, скажите мне, Папа! Она здорова? Умоляю, скажите, что произошло?

Майкл остановился и бросил на Папу умоляющий взгляд.

Наконец, Папа прислушался. – Ты что, ничего не знаешь?

– Что именно?! – завопил Майкл. – На самом деле, Папа, я решительно не понимаю, о чем вы говорите!

По выражению лица было видно, что Майкл находился в полнейшем замешательстве, Папа поверил в искренность его слов. Он сел на ящик из-под яблок, подозвал парня ближе и рассказал, что произошло тем утром.

Вскоре после того, как Виктория приехала на работу, перед магазинчиком остановился белый Роллс-Ройс. В магазин вошел никто иной, как папаша Шульц, спросив Папу Лоренсо, работает ли сейчас Виктория. Он представился, уверив Папу, будто хочет поговорить с ней. Виктория в это время переодевалась в подсобке.

– Так вот, – продолжил Папа, – я пожал его руку, а он сказал, что приехал поговорить с Викторией. Я направил его в сторону подсобки и вскоре услышал крик, переходящий в истерический ор. Я оставил Шарлин за кассой и ринулся узнать, в чем было дело.

Майкл почувствовал прилив ярости, кровь вскипела в его жилах, он уже знал, что Папа сообщит ему далее.

– Твой отец сказал Викторией, что ты не желаешь видеть ее больше, что ты переезжаешь домой, что между вами все кончено. Виктория начала рыдать, твой отец махал чеком на пять тысяч долларов у нее перед носом. Он пытался откупиться от нее, а бедная Виктория твердила лишь одно, что любит тебя и деньги ей не нужны, нужен лишь ты. Тогда он начал кричать и оскорблять ее: пуэрториканской шлюхой, шалавой и тому подобное... Я потребовал, чтобы он убирался. Он все пытался всучить ей свой чек, а после рванул к выходу, бранясь последними словами, не стесняясь остальных покупателей. Когда он ушел, я отправил Викторию домой на такси, она была убита горем.

К этому времени Майкл достиг точки кипения и мог думать лишь о том, что ему делать немедленно: звонить отцу и выяснить с ним отношения раз и навсегда или мчаться в Бруклин? Первым делом, он решил ехать в Бруклин, извинившись перед Папой Лоренсо, он направился к зданию Университета.

Чарли опешил, когда увидел своего друга. Он достаточно хорошо знал Майкла, чтобы понять, что здоровяк на взводе, и вот-вот взорвется, если его не успокоить.

– Майкл, ты видел Шарлин в магазине?

Майкл не ответил, он погряз в невеселых раздумьях. Чарли толком не знал, что еще сказать.

– Майкл, приди в себя, ты дерьмово выглядишь. В чем дело? Что стряслось?

Чарли не желал отступать. Он обязан был узнать, почему Майкл был чернее тучи. Майкл излил душу. Он рассказал Чарли о том, что произошло в магазине. Чарли ушам своим не верил. Неужто старик Шульц зашел так далеко? Чарли и сам был возмущен до предела; может быть их родители занимали разные социальные ниши, но Чарли и предположить не мог, чтобы они поступили бы с ним так гнусно, приведи он домой темнокожую девчонку или азиатку. Прецедента, правда, не было. Но, он отлично знал своих родителей и всегда трезво оценивал их поступки.

– Я все понял, Майкл. Слияем с занятий и поедем в Бруклин.

Майкл аккуратно прервал его: – Спасибо, приятель, но я бы хотел поехать туда один. Нет нужды нам обоим наживать проблемы из-за пропусков. Дай мне ключи от машины. Увидимся дома, ладно?

Чарли отдал ему ключи и ушел, на прощанье похлопав его по плечу, выражая поддержку.

– Чувак, не напрягайся. Предки все такие. Мой папа все еще говорит со мной так, будто мне лет восемь.

Майкл осознал, что в этот раз вел авто точно, как Чарли. Он добрался до Бруклина в рекордно короткие сроки, впечатав педаль газа в пол. Высокая скорость, казалось, помогла ему выпустить пар и успокоиться немного. Он был взвинчен, как и прежде, но теперь был готов столкнуться с проблемами с большим хладнокровием. Майкл поднялся наверх и застал тетюшку Марию столь же удивленной, как он сам. Вики дома не было.

Тетюшка Мария думала, что девушка все еще на работе, но одному лишь Богу было известно, где она могла быть. Второй раз за день Майклу пришлось рассказывать неприятную историю, произошедшую в магазине Папы Лоренсо. Он понял, что тетюшка Мария перепугана не на шутку. Женщина призналась, что Виктория плохо знала Нью-Йорк. Это был слишком большой, перенаселенный город, с высоким процентом психов на душу населения. Майкл пытался успокоить старую леди, которая зашла в кашле от волнения.

– Тетюшка, она, вероятно, решила прогуляться, чтобы отделаться от дурных мыслей. Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Однако оба они волновались в гораздо большей степени, чем готовы были признать. Майкл заварил для Тетюшки немного чая, и они вместе сидели и ждали. Мария пыталась улыбаться, а Майкл, в это время, почувствовал, каково это, провести хотя бы день без его Вики, потерянным и несчастным. Теперь, думая о мерзких деяниях отца, Майкл чувствовал себя будто потерянным для своей семьи, а Вики была всем, что у него осталось. Он не мог простить это отцу. Но через какие терзания, должно быть, прошел его родитель, если уж ему пришлось творить такие ужасные вещи? Больше всего Майкла пугало то, что он мог потерять Вики.

Они ждали около часа, поглощенные своими невеселыми раздумьями, пока, наконец, ключ не повернулся в дверном замке. Майкл вскочил от волнения. Вошла Виктория, вся в слезах. Все, что они могли сделать, так это крепко обнять друг друга, будто они не виделись целую вечность. Вики разрыдалась. Тетюшка Мария уложила ее на диван, медленно глядя ей волосы и лицо, распухшее от слез, шептала слова утешения, словно мать, пытающаяся унять боль своего ребенка, который поранился очень сильно. Майкл принес чай и для Вики. Когда он вошел в гостиную, тетюшка баюкала ее как ребенка. Майкл принял решение. Он вышел из квартиры и направился к метро. Он остановился у телефона-автомата и позвонил отцу. Его секретарь ответила, что отец был на встрече и соединила Майкла с его личным помощником. Он попросил передать, что сын мистера Шульца скоро прибудет.

Когда Майкл вышел из метро на Пятой Авеню, ему пришлось прокладывать себе путь сквозь толпу к северному выходу. Он шел по забитому тротуару, теряясь среди тысяч людей, идущих словно лавина. Вдалеке он заметил неоновую вывеску «D&S», логотип фирмы отца, мерцающую цветными огнями. Это был крупнейший магазин отца. Он владел сетью бутиков, но это был самый большой в Нью-Йорке, поражающим ассортиментом одежды и аксессуаров. Здесь можно было найти все, от булавки до шарфов, стоило только потратить время. Магазин занимал несколько этажей, каждый размером с футбольное поле. Шесть лифтов обеспечивали непрерывную циркуляцию потока покупателей по магазину.

Его отец заставил Вики страдать, Майкл не мог с этим мириться. Внутренний голос словно внушал ему:

«Перестань, это не какой-то мерзкий негодяй, это твой отец. Успокойся. Спорим, он с радостью приедет на вашу свадьбу и на день рождения вашего первенца!»

Но этот голос немедленно сменялся другим:

«Приди в себя, это тот еще ублюдок, Господин Хозяин Пятой Авеню. Стоит ему пальцем поманить, и сразу сбежится с десяток олухов, готовых ему ботинки лизать. Посмотри, что натворил этот напыщенный осел!»

Он промчался по первому этажу к лифтам и поднялся наверх, к кабинетам управляющих, где застал врасплох секретаря, которая так и не поняла, был ли это налет или попытка похищения кого-то из руководства.

– Где мистер Шульц? Мне нужно говорить с ним.

Майкла она не знала и осторожно нажала кнопку под ее столом. – Мистер Шульц занят в данный момент. У вас назначено?

Майкл готов был взорваться, когда появилась изящно одетая женщина, типичный представитель манхэттенского руководящего звена, в сопровождении охранника в униформе.

– Дженнифер, это сын мистера Шульца. Все в порядке.

Леди отпустила охранника и поприветствовала Майкла: – Давно не виделись, Майкл.

Секретарь была сбита с толку. Ей пока не приходилось слышать, чтобы Дайэн Локвуд общалась с кем-либо так непринужденно.

– Привет, Дайэн, где мой папа? – Майклу Дайэн была очень симпатична, но болтать с ней он не намеревался, это был не самый подходящий момент. Она подхватила его под руку и повела в кабинет.

– Майкл, что-нибудь произошло? В чем дело? Ты выглядишь ужасно.

– Послушайте, Дайэн, я должен видеть своего отца. Срочно!

– Милый, честно говоря, он действительно сейчас очень занят. Разве это не может подождать? Ты же знаешь, как он не любит, когда его отвлекают во время переговоров.

Майкл не испытывал желания рассказывать о случившемся в третий раз за день и предпочел подождать. Попав в офис отца, он сел на роскошное кожаное кресло. Дайэн спросила, не хочет ли он чего-нибудь выпить? Он попросил налить виски, при его теперешнем состоянии, это было вовсе не лишним. Наполнив стакан на четверть, она поинтересовалась, как у Майкла обстояли дела. Они не виделись около трех месяцев, хотя отлично знали друг друга. Она была заместителем управляющего компанией и работала здесь вот уже четыре года. Майкл не знал, что и ответить. Он просто потягивал виски, стараясь уклониться от ответа. Затем, он принялся нервно прохаживаться туда-сюда. Кабинет был просторный, отделанный богато и со вкусом. Алкоголь помог ему немного расслабиться, однако ожидание сильно утомило его. Он вышел на огромный балкон, обозревая панораму улицы внизу. Дайэн вошла в офис, сообщив, что встреча подходит к концу и положила красный конверт на стол его отца.

Дверь офиса распахнулась, и мистер Шульц вошел в свой офис с торжествующей улыбкой. Было очевидно, он вообразил себя героем притчи, рассказанной по-новому, Давид вновь одолел Голиафа.

– Майкл, рад тебя видеть!

Он подошел к столу и взял красный конверт. Распечатав и небрежно оторвав край, он извлек связку ключей. Он протянул ключи Майклу, тряхнув ими в воздухе, будто пытаясь заинтриговать его производимым звяканьем.

Майкл не проронил ни слова, пытаясь убедить отца, что сохраняет хладнокровие. Однако поведением его отца вновь вызывало недоумение. Он вел себя так, будто ничего не произошло.

Он подошел к Майклу и указал рукой на парковку позади универмага. Рядом с белым Роллс-Ройсом стоял великолепный красный Порше. Дэвид Шульц снова звякнул ключами перед лицом сына.

– Видишь этот Порше? – он нервно усмехнулся, чувствуя пульсирующую в сыне ярость, хоть и пребывал в полной уверенности, что Майкл возьмет ключи. – Теперь он твой. Но обещаю, что не станешь гонять как псих. Если твоя мать узнает, мне конец.

Он вернулся к своему столу. С неким высокомерием, он, не оглядываясь, швырнул ключи Майклу. Тот рефлексивно поймал их, и брезгливо оглядел. Как это можно было трактовать? Майкл уставился на отца, кровь ударила в голову, на него снизошло очередное озарение.

Очевидно, случай был абсолютно безнадежный. Его отец просто занимался привычным делом, будучи абсолютно уверенным, ему все сойдет с рук, весь вопрос лишь в сумме. Именно так он воспринимал мир и окружающих его людей. Пересмотреть эту позицию его папа был не в состоянии, и Майкл знал, окажись на его месте один из его друзей, столкнувшись с таким

выбором, любой из них, недолго думая, бросил бы свою девушку ради Порше и подчинился бы воле отца. Совсем не потому, что они были подлыми или алчными, а просто потому, что их отцы поступили бы точно так же.

Дэвид Шульц стоял гордо улыбаясь, на лице читалось: «Ну же, сынок, подумай, как следует, что для тебя важнее; какая-то девка или этот бесценный Порше, за который любой парень твоего возраста душу отдаст?»

Кровь Майкла вскипала. Пугающе низким голосом он произнес: – Оставь свой паршивый авто себе! Мне больше не нужно твоих дерьмовых подачек!

Дэвид Шульц не ожидал услышать подобное, и потребовалось некоторое время, чтобы он смог вникнуть в суть того, что недавно услышал. Было видно, что ответ Майкла поверг его в состояние шока. Его расчетливый мозг помог ему разобраться, что Майкл предельно конкретно изложил свою позицию. Теперь предстояло сделать выбор; противодействовать Майклу, либо обыграть все максимально мягко, и Дэвид выбрал последнее. Он развел руками в недоумении, выдавил из себя улыбку и попытался вести диалог спокойно, чтобы достигнуть компромисса.

– Послушай, Майкл, если это из-за вчерашнего, мне жаль. Я сорвался, но ты неправильно меня понял. Мне жаль, если ты так переживаешь. Пойми, я твой отец, и мне все еще трудно воспринимать тебя как взрослого.

Дэвид сделал шаг вперед, всем видом показывая, что готов идти на примирение. Майкл лишь протянул сжатый кулак, ослабив пальцы, он показал скомканный чек, что Дэвид впихнул Вики. Теперь Шульц понял. Это и был ответ его сына, предельно ясный. Мало того, что Майкл не дал объяснений, он решил гнуть свою паршивую линию до конца. От слов его сына по спине вновь пробежали мурашки.

– Ты полагаешь, что можешь покупать людей так же легко, как покупаешь и продаешь свои ткани? – Майкл повернулся к эркеру, окинув взглядом горизонт Манхэттена. – Мой родной отец думает, что может купить с потрохами любого. – Он щелкнул пальцами и повернувшись, бросил скомканный чек к его ногам. – Как ты можешь? У тебя совсем нет чести?

Его отец, все еще пытался спасти ситуацию, сложив руки словно в мольбах и произнес: – Пожалуйста, Майкл. Она тебя до добра не доведет. Она тебе не нужна. Вернись домой, сынок, прошу тебя.

У Майкла не было желания играть в эту игру, что затеял отец, который все еще не понял, как серьезен был Майкл.

– Домой? Никогда! Слышишь меня? Никогда! Я никогда не вернусь домой, ни сегодня, ни завтра. Никогда больше!

Дэвид Шульц пытался успокоить сына, пока еще была возможность, но слова словно терялись в пространстве. Чем больше он пытался, тем хуже все оборачивалось. Майкл начал кричать громче, заглушая отца.

– Мне нужно кое-что сказать, так что лучше заткнись и послушай меня, если не хочешь, чтобы вместе с тобой слушал весь этаж! – Майкл бросил на отца взгляд, который ввел того в оцепенение. – То, как ты поступил сегодня утром, вызывает у меня отвращение. Ты вел себя как последний мерзавец.

Дэвид Шульц вскочил с места, но Майкл не дал ему опомниться.

– Сядь! всю свою жизнь я считал, что мой отец – человек которым нужно гордиться, но, как видно, я ошибался. Ты сокрушил мою веру. Мне стыдно, стыдно за тебя! И последнее: если ты когда-нибудь попытаешься подойти к Вики или навредишь ей, так или иначе, будешь иметь дело со мной. Держись от нее подальше. Я не стану предупреждать дважды!

Ситуация вышла из-под контроля. Шульц старший постоянно имел дело с разного рода болванами, пытающимися обманывать его. Но, он впервые столкнулся с тем, чтобы кто-то из близких оскорблял его или угрожал ему так рьяно. Испепеляющий гнев пронизывал все его

тело. Он резко вскочил, схватил свой стул и отчаянно запустил им в стену. Майкл отпрыгнул, внезапный выпад отца застал его врасплох. Их разделял стол, они сверлили друг друга взглядами, словно две кобры, готовые в любой момент осуществить смертельный бросок. Накал страстей был нешуточный. Дайэн Локвуд приоткрыла дверь, встревоженная громким шумом, но на нее, казалось, даже не обратили внимания.

– Все в порядке, сэр?

Шульц велел ей уйти. Дайэн закрыла дверь и исчезла. Майкл воспользовался ситуацией и поспешил покинуть помещение. Когда он был уже у двери, отец бросил ему вслед: – Ладно! Давай, сопляк. Беги к своей гребаной шиксе! Ты доигрался! Шалопутная плебейка, вот кто она! Надеюсь, она неплохо зарабатывает, торгуя собой, потому что отныне, ты не получишь от меня ни цента. Ты, ничтожный сосунок! Посмотрим, какой ты крутой, хватит ли тебе сил вкалывать, чтоб прокормиться, как вкалывал я в свое время! Одно скажу наверняка, твоя шлюха не получит ни гроша! Пошел вон!

Майкл замер, не оборачиваясь. Он понял, его отец никогда не изменится. Он уже обыграл ситуацию таким образом, словно это он вышвырнул Майкла из дому, без средств к существованию. Это казалось настолько нелепо, что его злоба улетучилась. Ничтожный и смешной, таким сейчас был его отец. И теперь, когда от гнева не осталось и следа, Майкл почувствовал огромное облегчение. Он вышел на улицу, собираясь с мыслями, и вновь почувствовал себя открытым для внешнего мира.

Глава 7

В преддверье свадьбы

Пройдя пару кварталов, Майкл остановился, его внимание привлекла витрина ювелирного магазина. Он рассматривал роскошные часы и зажигалки, ожерелья и кольца. Повинуясь порыву чувств, он зашел в магазин и попросил показать кольца, что ему приглянулись. Он купил венчалное и обручалное кольца, расплатившись своей картой АМЕХ. По пути от метро он зашел в цветочный магазин и купил одну чудесную розу. Он заплатил наличными, одолжил у флориста ножницы и изрезал свою золотую кредитную карту на мелкие кусочки. Он почувствовал себя по-настоящему свободным.

Тетушка Мария открыла дверь, и Майкл вошел.

«– Тихо, Майкл», – сказала она. – Виктория уснула. Где ты был?

– Мне нужно было увидеть отца, чтобы уладить с ним кое-что, – ответил Майкл. – Больше он не создаст проблем.

Вики все же проснулась, услышав голос Майкла, подбежала к нему и обняла. Он крепко прижал ее к себе, а после отдал ей розу. Тетушка Мария переволновалась за день и решила немного отдохнуть, оставив их наедине. Теперь стало ясно, она была не в состоянии вечно опекать Викторию. Пташке пришло время выпорхнуть из гнезда. После того, как женщина ушла в свою спальню, Майкл встал перед Викторией на колени и посмотрел ей прямо в глаза.

– Вики, я люблю тебя сильнее чем кого бы то ни было. Я хочу быть рядом с тобой всегда. Ты выйдешь за меня, моя маленькая бабочка?

По ее щекам текли слезы радости, Вики решительно ответила: – Да! Да! Майкл, но я не хочу, чтобы ты расстался со своей семьей ради меня.

К концу этого дня у Майкла больше не возникало сомнений, для себя он все решил.

«– Ты теперь моя семья и не волнуйся, проблем больше не будет», – произнес он уверенным голосом.

Он достал из кармана коробочку с венчалным кольцом и протянул Вики. Она открыла ее и восхитилась красотой кольца. Она не ожидала такого подарка, Майкл настоял, чтобы она примерила кольцо немедленно, он купил его наугад, не зная ее размера. К счастью, колечко было по размеру. Его обрамлял бриллиант, искрящийся на дневном свете. Вики не могла подобрать слов и разрыдалась от счастья. Она прильнула к Майклу, и они страстно поцеловались, убежденные, что теперь их судьбы крепко связаны, и никакая сила больше их не разлучит.

– Давай скажем тетушке. – Вики потянула его к двери.

– Подожди минутку, пусть твои слезы просохнут. Не нужно волновать ее лишний раз.

Он смахнул слезы с ее глаз. Они вошли в комнату тетушки Марии. Она лежала на своей кровати, прикрывшись одеялом, ночник на прикроватном столике давал тусклый свет. Она посмотрела на них с напускным выражением строгости.

– Ну, и по какому поводу у вас улыбки до ушей, как у чеширских котов?

В ответ Вики протянула руку, чтобы тетушка могла восхититься кольцом.

– Дорогая, оно прекрасно! Поздравляю!

Мария почувствовала облегчение. Бременем, которое она несла последнее время был страх. Она опасалась, что умрет, и Вики останется совсем одна. Новость о замужестве Виктории принесла ей облегчение.

– Посмотри, тетушка, какая прелесть! – прокричала Вики.

Это было очевидно, поэтому тетушка просто спросила: – Когда же вы собираетесь назначить свадьбу?

Майкл держал руку Вики и поцеловал ее нежно, ее щеки обдал румянец. – Как можно скорее, обручалные кольца я тоже купил. . . , – ответил Майкл, похлопав по карману.

Майкл шагнул вперед, чтобы поцеловать тетушку, она шепнула ему на ухо: – Ты осчастливил больную старушку!

Он заметил слезы радости и на ее щеках, затем она опустила голову и закашлялась. Вскоре она вновь улыбалась, так обрадовали ее последние известия. Тетя попросила Майкла достать со шкафа коричневый чехол. Прежде чем они успели спросить, для чего это было нужно, тетушка взяла Вики за руку.

– У меня есть кое-что для тебя. Когда-то оно принадлежало твоей матери.

Вики отвела взгляд, на нее нахлынули горькие воспоминания прошлого. Перед глазами стоял образ ее матери, от чего ей стало невообразимо грустно. Она заставила себя вновь поднять глаза на тетушку, чья теплая улыбка внушала ей надежду на будущее.

Последние два года настроение Вики часто менялось. Сначала она была безутешна и думала о родителях изо дня в день, живя лишь воспоминаниями – счастливыми, а чаще печальными. Она, пребывая в прострации, так как прошлое не оставляло ее. А когда она устроилась в магазин к Папе Лоренсо, приступы меланхолии постепенно уступили место работе и принятию новой жизни в новой стране. Они стали очень близки с тетушкой Марией. Она выросла в счастливой семье, и ее родители горячо любили друг друга до самого последнего дня. Так или иначе, Вики не готова была переступить черту и оставить прошлое в прошлом. Она выросла в любви. Сейчас ей удалось отбросить печальные воспоминания. Она смотрела на улыбочное лицо тетушки.

– Девочка моя, что минуло, то минуло. Изменить прошлое нельзя. Мы должны смотреть в будущее. Я так ждала дня, когда смогу отдать тебе это, хотя порой, я так боялась, что уйду до того, как смогу сдержать слово, данное твоей матери. Я упорно боролась, чтобы дожить до этого момента.

Вики погладила ее руку. Ее глаза вновь наполнились слезами.

– Тетушка, пожалуйста, не говори так... – Майкл повесил коричневый чехол на вешалку. Он сходил на кухню и вернулся с тряпкой, чтобы стереть пыль, накопившуюся за эти годы. На бирке чехла значился пуэрториканский адрес. Вики воскликнула: – Это же наш прежний адрес!

Тетушка попросила Майкла открыть чехол. Он аккуратно убрал бумагу, прикрывающую содержимое. Все трое ахнули, увидев прекрасное ожерелье из жемчуга, поверх белого свадебного платья. Платье было расшито красивым кружевом и смотрелось просто и элегантно одновременно.

«– В этом платье твоя мать шла под венец, Вики», – сказала Тетушка. – Теперь, когда у вас есть и платье, и кольца, пришло время назначить день свадьбы.

Улыбка ее излучала столько тепла, что у всех присутствующих создалось впечатление, словно день свадьбы уже наступил.

– Когда вы поженитесь, мы будем жить вместе, пока вы не обзаведетесь своим жильем, а я буду навещать вас так часто, как вы позволите.

Они рассмеялись и принялись обниматься. Майкл был рад, он пришел в новую, любящую семью и получил второй шанс, на счастье. Он обнял их обеих и невольно подумал о своих родителях. Он всегда был любимчиком своей матери, и он мгновенно представил, как сильно будет скучать по ней. Как он жалел, чтобы в этот радостный момент она была рядом.

Они засиделись допоздна, обсуждая свадебные приготовления. Наконец, тетушка Мария объявила, что совсем обессилила после этого волнительного дня и ушла в свою комнату. Приблизительно в это же время позвонил Чарли и попросил, чтобы Майкл забрал его у кинотеатра по пути домой. Майкл заключил Вики в крепкие объятия, а затем уехал. Он приехал раньше, чем освободился Чарли и сидел, слушая радио, живо представляя свадебную церемонию и момент, когда они оба ответят «да».

Тут Чарли резко распахнул дверь и уселся рядом с Майклом. – Привет! Ты выглядишь взволнованным. Что еще стряслось? – Не дожидаясь ответа, Чарли поглядел на часы и спросил: – Можем заехать за Шарлин по пути?

Майкл кивнул и дал газу. Он начал рассказывать Чарли о последних событиях. Он рассказал про ужасный эпизод с отцом, про то, как не раздумывая купил кольца и что, вероятнее всего, они поженятся в течение нескольких дней.

Чарли выглядел очень серьезным, скорее даже обеспокоенным. Он собрался с мыслями, а после сказал: – А как же твои предки, Майкл?

Майкл пытался говорить уверенно и убедительно, пытаясь показать, что воспринимает ситуацию спокойно. Чарли лишь громко присвистнул.

– Да ты, я вижу, крут, чувак. А что насчет учебы?

Майкл нахмурился: – Ну, пока я об этом не подумал. Прежде всего, скоро начнутся каникулы, я смогу работать и отложить немного; затем, видимо, придется работать по вечерам. И что такого? Ты ведь успеваешь. После свадьбы мы будем жить у тетушки Марии. Она сама так сказала.

Майкл припарковался у дома Шарлин и ждал, пока Чарли встретит ее. Шарлин запрыгнула на заднее сиденье и, первым делом, звучно чмокнула Майкла в щеку, оставив яркий отпечаток красной помады и принялась расспрашивать его о свадьбе.

Чарли попросил Майкла притормозить на углу улицы. Он удивился, когда Чарли вернулся с двумя бутылками игристого вина. Выходит, он задумал отметить эту знаменательную дату, предвещающую радостное событие, на французский манер.

Дома, пока Чарли занимался скручиванием косяка, Майкл открыл вторую бутылку и наполнил бокалы. Они уже порядочно захмелели, но, несмотря на это, Шарлин трезво рассуждала. Она поняла, Майкл намеревался жениться как можно скорее, поэтому предложила Чарли занять место Майкла в их лофте. Чарли был воодушевлен ее намерениями. В конце концов, ему одному было не по силам потянуть аренду. Они подняли бокалы за успешное осуществление планов, а Чарли раскурил «трубку мира» и передал другу. Впрочем, Майкл отказался. Он хотел встать пораньше, у него была уйма дел. Посему, он оставил друзей наедине с их розовыми мечтами, а сам улегся в кровать.

Следующим утром он проснулся под звон посуды на кухне, это его поразило. По пути в ванную он озадачился в не меньшей степени, почувствовав аромат свежего кофе. Чарли и Шарлин уже сидели за столом.

– Шевелись! Пора выходить!

Майкл принял душ и залпом осушил свою чашку. Они сели в авто и понеслись по Трибека со сверхзвуковой скоростью. В магазине Папы Лоренсо Шарлин сразу же поспешила в подсобку, чтобы одеть униформу. Когда парни вошли в магазин, там было безлюдно. Майкл взглянул на часы и с удивлением обнаружил, что не было и половины восьмого. Он должен был заехать домой к родителям и забрать кое-какие вещи, а также заполнить все формы и сертификаты, коль скоро, они с Вики собрались под венец.

Радушно улыбаясь, Папа Лоренсо шел ему навстречу из глубины магазина. Он ухватил Майкла за руку и начал отчаянно трясти ее, поздравив его с неповторимым итальянским колоритом: – Шарлин сообщила мне, что у вас с моей Викторией будет свадьба! Это поразительно!

– Да, Папа! – подтвердил Майкл. – Сожалею, но сегодня Вики не сможет выйти на работу. Мы должны заняться приготовлениями к свадьбе.

Папа одобрительно кивнул и сказал: – Никаких проблем, Шарлин и я сами со всем управимся. А теперь иди! Пора делать дела!

Чарли, встав на цыпочки, навалился на прилавок, чтобы поцеловать Шарлин перед уходом, а Майкл обратился к Папе Лоренсо: – Папа, для меня было бы честью, если бы вы повели Викторию к алтарю на церемонии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.